

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S-T-I-K-S

ВТОРОЙ ВЕЛИКИЙ УЧИТЕЛЬ

ТРИЛОГИЯ

АЛЕКСАНДР САЯН

Второй Великий Учитель

Александр Саян

Второй Великий Учитель трилогия

«Автор»

2026

Саян А.

Второй Великий Учитель трилогия / А. Саян — «Автор»,
2026 — (Второй Великий Учитель)

Удивительный мир, где старики молодеют, а соседи по подъезду пытаются тебя съесть. Жизнь в этом мире трудна и опасна. Люди сражаются как с монстрами так и с себе подобными. Но и в этих условиях есть место для любви и крепкой дружбы. А некоторые обитатели этого мира считают его своим, и чувствуют себя в нём как рыба в воде.

© Саян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Война	5
Предисловие	6
Меня приглашают на прогулку	7
Воспоминания	9
Продолжаю вспоминать	13
Муравьиный стаб	16
Поездка на семинар	19
Охота на зверей	22
Продолжение воспоминаний	24
Есть контакт	28
Воспоминания. Продолжение	31
Муравьиная история	33
Подготовка к обороне	37
Семинар	41
Возвращение в «Крепостной»	42
Немного любовной лирики	46
Слежка	48
Оружие	49
Три месяца спустя.	52
Обрубают концы	54
Нежданные гости	55
Клоун	59
Туристы	61
Учения	63
Спасательная операция	67
Нежданный гость	70
День Стикса	73
Похищение	77
Военные действия	79
В логове	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Александр Саян

Второй Великий Учитель трилогия

Война

Серия Артема Каменистого «Стикс» удивляет четко продуманными правилами и законами для героев, попадающих в этот мир. Книги Артема, как и многих его последователей прямо пособие для создателей виртуальной игры на эту тему. Это выглядит как ТЗ (Техническое Задание), поэтому для меня как для бывшего программиста стало интересно – смогу ли я после всего уже написанного на эту тему, придумать что-нибудь оригинальное и интересное для читателя. Получилось ли из этой попытки что-либо путное судить не мне, а вам читатели.

Александр Саян

Предисловие

Этот мир для сильных и удачливых. В нем выживают в основном крепкие молодые парни, наделенные невероятными способностями. Наделяет этими способностями их сам СТИКС и бросает в горнило борьбы с многочисленными врагами. А сможет ли выжить в такой среде человек, который не наделен боевыми умениями, уже далеко не молод и не обладает большой физической силой?

Многие люди, когда внезапно попадают в мир Стикса (Улья), рассматривают это как трагедию. А наш герой счастлив, что получил новый шанс и может начать новую жизнь.

Меня приглашают на прогулку

– Эй Дед! Молодеешь на глазах. У тебя уже стоит?

Это меня весело спрашивает одна из ярко раскрашенных девиц, курящих неподалёку от моего ящика, на котором я сижу.

Я молча делаю жест – отстань мол.

– Спораны есть? Если есть – мы тебе его быстро поставим!

– Отвали. Там тебе есть кому ставить, шалава.

Машу я рукой в сторону двери заведения откуда я только что вышел. Девуцы, весело смеясь уходят, а я подставляю лицо под теплые лучи заходящего солнца. Солнца ли? Сомневаюсь. Странное светило, уже который день удивляюсь странным спецэффектам при его закате. Вот и сейчас в точке соприкосновения с горизонтом светило покрылось черными кляксами и исчезло.

Идти в свою конуру, что выделил мне хозяин заведения для проживания, не хочется. Пока посижу, подышу свежим воздухом. Тем более свежий воздух просто необходим после вонючих сортиров, которые мне приходится драить каждый день в этом весёлом заведении.

И как же так получилось, – предался я своим размышлениям, – что я старик, инвалид и пенсионер провалился в этот дикий фантастический мир и за пол спорана плюс объедки из ресторана целый день драю вонючие туалеты. А все, потому что я слишком старый и больной попал сюда. Есть и другая работа в этом стабе, гораздо престижнее и выгоднее, но меня туда не берут, потому что старый и слабый, не потяну. Говорят – вот помолодеешь приходи возьмем в рейд.

Странно звучит – «Помолодеешь». Я сначала считал, что издеваются, а оказывается нет. Старики в этом мире, постепенно молодеют и выглядят лет на 35-40. Фантастика! До сих пор не верится. Но признаки этого я начинаю обнаруживать в своем организме. Начали двигаться пальцы в суставах рук, скрюченные артрозом. Постепенно исчезают шрамы – следы операций. А вчера в зеркале обнаружил, что во многих местах моей седой шевелюры у корней волос цвет уже не белый, а темно русый какой был в молодости. Чудеса. Жаль, что этот процесс идет не так быстро, как мне бы хотелось. Продолжает болеть тазобедренный сустав при ходьбе, есть еще одышка и слабость.

В принципе я очень терпеливый человек, мог бы и не спеша дожидаться, когда окрепну и меня начнут брать, к примеру, на мародерку ближайших перезагружающихся поселков. Там можно в принципе неплохо заработать, но возникла новая напасть – трясучка. Вчера заметил ее явные симптомы. Очень неприятная болезнь. И если ее не лечить, то можно от нее и загнуться. От неё страдают люди, долго безвылазно находящиеся на стабильном кластере. Лечится она в принципе легко, для этого нужно хотя бы раз в месяц выходить из стаба и побродить по стандартным кластерам десяток часов. Но для меня это почти невыполнимая задача. У меня нет оружия, нет опыта и здоровья. Самый дохлый пустыш меня задерет, как только встретится за воротами стаба.

Но делать нечего, придется завтра идти, лучше погибнуть в бою, хотя какой там бой – просто сожрут, чем загнуться в долгих мучениях. Я для этого с трудом выпросил отгул за свой счет у жадного хозяина борделя «Весёлый Сталкер» на территории заднего двора которого я сижу на деревянном ящике. Пора идти ложиться спать, завтра рано вставать – подвел я итог своим невесёлым мыслям и тут из дверей появились двое мужиков в обычном здесь грязноватом «милитари» и направились ко мне.

– Привет, тебя Старик зовут? – Обратился ко мне невысокий, но широкий мордоворот с заплывшими глазками.

Второй был полная противоположность первому – худой и высокий, с узким крысиным лицом. Оба вызывали необъяснимое и неприятное ощущение внутри, но я сделал приветливое лицо и поздоровался с обоими за руку. Рукопожатие крепыша было железным и сразу же напомнило, что артроз еще не прошел.

– Нет, меня Дед зовут, – поправил я – чем могу служить?

– Да нам твой хозяин, ну хозяин этого заведения Боров сказал, что ты завтра на прогулку по кластерам собираешься, – затарахтел длинный – а мы тоже хотим прогуляться. Может бегунов настреляем, споранчиков насобираем. Не составишь нам компанию? Меня Жердём зовут, а это Кабан.

– Мужики, а вы в курсе, что я в Улье новичок? Месяц всего, как сюда провалился и ничего, кроме этого, стаба еще не видел. Ни оружия у меня, кроме топора, нет, ни опыта. Боюсь я вам обузой буду. И здоровье слабое, быстро ходить не смогу.

– Да мы не собираемся бегать, пойдем потихонечку на одно прикормленное место, сделаем засаду, постреляем из бесшумки бегунов и назад вечером вернемся. Твоя доля треть от добычи, – продолжил тараторить длинный.

Ох и странные типы, от них опасностью так и веет. Уговаривают как будто примадонну просят дать концерт в сельском клубе. Тем более, что я не примадонна, а нулевой старик. Чуйка кричала и билась в истерике. Эти типы чем-то неуловимым напоминали тех муров, к которым я попал в первый день пребывания в этом мире. Но тут вмешался холодный разум и стал убеждать, что чутьё может и соврать, и что гулять одному в этом мире это уж точно верная смерть. Ах была не была!

– Ладно мужики, я согласен, – и отметил про себя как радостно блеснули глаза у обоих. Ох не к добру это.

Воспоминания

Ночью не спалось, голова гудела от мыслей и воспоминаний. Собственно, почему я испугался этих двух мутных типов? Зачем им меня убивать? У меня нет никакого ценного и не ценного имущества. Сдать мурам на органы? Так и органы староваты, нормальную цену за меня не дадут. Те муры, которые мне встретились в первый день в Улье не очень и хотели меня брать. Если бы они набрали в тот день достаточно иммунных, то выбросили бы из грузовика на съедение зараженным, даже пулю на меня тратить бы не стали.

Вспомнился тот самый первый день в Улье. Вернее ночь. Я тогда не спал под впечатлением разговора с врачом из онкологической поликлиники. Жены дома не было, она уехала проведать сына и внучку в Москве и я, воспользовавшись этим, сгонял к своему врачу онкологу.

Под его руководством я уже десять лет назад удалил почку и еле выжил, а пять лет назад удалил огромную опухоль простаты и тоже еле выжил после операции. А теперь пришли результаты тонкоигольной биопсии щитовидной железы¹ и они были положительными. Доктор давно уже знал, что мне лучше не темнить и на вопрос «сколько мне осталось» выдал, что от силы пару месяцев и что операцию я не перенесу, потому что он вообще удивляется, как я с таким сердцем до сих пор ещё живу.

Вот я и сидел ночью на кухне возле чайника и думал – где бы мне достать пистолет, чтобы уйти из жизни достойно, как подобает настоящему мужчине, бывшему офицеру. Загибаться в реанимации от боли в голове, потому что перекрываются сосуды, питающие головной мозг кислородом, мне не улыбалось совсем. Травиться или вешаться категорически не хотелось. Я хоть и соломенный офицер, но всё-таки офицер. Когда служил в ГСВГ² в войсковой разведке, перед дембелем попал на Курсы Офицеров Запаса и дембельнулся младшим лейтенантом. Правда потом меня военкомат регулярно забирал и отправлял на различные сборы и учения и каждый раз добавлял звездочку после них, я конечно же не чувствовал себя кадровым военным офицером, и даже когда попал в Афган и целых три месяца лазил по проклятым горам под свистом пуль. Там я заработал настоящее боевое ранение – отстрелили 3 пальца на ноге. Окончательно дембельнулся из госпиталя в звании майора и больше меня не призывали.

Итак, я отвлекся на Советскую Армию, остается вопрос – так, где же мне достать пистолет, чтобы уйти из жизни достойно и не мучатся? План такой: у меня есть заначка, спрятанная от жены – одна тысяча долларов. Завтра достаю и иду к ближайшей воинской части. Там шныряют офицеры и прапорщики. Нахожу прапора с самой пропитой рожей и предлагаю ему взятку. Так себе план, но не идти же грабить полицейский участок?

И вот под такие вот размышления я вдруг уловил противный запах горелой кислоты. Смотрю, а из всех щелей кухни и особенно через форточку просачивается сизый дымок. Первая мысль – опять эти детки подожгли что-то в подъезде. Открыл дверь на лестничную площадку и услышал голоса встревоженных соседей по подъезду. Судя по всему, они тоже не понимали, что происходит. И в этот момент погас свет. Электричество отрубилось. Наверное, где-то внизу короткое замыкание, поэтому и дым. Закрыв дверь в подъезд и на ощупь вышел на лоджию. Не видно ничего ни огней города, ни звезд на небе, вообще ничего. По-моему, я такое ни разу не испытывал. С трудом вернулся в квартиру и начал, натыкаясь на мебель искать фонарик. С трудом нашел и включил. Здоровенный такой фонарь с аккумулятором, надолго хватит.

¹ Тонкоигольная биопсия щитовидной железы – забор клеток из какой либо части щитовидной железы с помощью тонкой иглы с целью последующего изучения их под микроскопом.

² ГСВГ – Группа Советских войск в Германии.

Нашел мобильник и попытался позвонить в МЧС. Не работает, связи вообще нет. Спускаться вниз? Нет не буду, для меня 12 этажей без лифта – непреодолимая преграда. Буду сидеть на кухне, пить чай, благо газ в плите ещё подается, а вода в запасе имеется. Буду ждать спокойно дальнейших событий.

К утру дым или туман как-то незаметно испарился. Электричество не появилось и из лоджии было видно, что и в городе огней нет, только на трубах цементного завода, которые проглядывали из отдаленного конца города, горят красные огни для отпугивания самолетов. Наверное, автономное питание от генератора. И тут меня словно обухом по голове стукнуло. Все 30 лет, что я живу в этой квартире, эти трубы были видны на фоне горного хребта, из которого добывался мергель¹ для цементного завода. А теперь гор не было, как будто кто-то снял декорацию. За трубами не было ничего кроме алеющей зари скорого рассвета. Я аж присел на балконную табуретку. Что это?

Первая мысль – нанюхался отравы какой-то из этого дыма, и теперь галюны пробивают? Стал опять смотреть вниз. Возле нашего подъезда кучкуются люди и возле соседних подъездов тоже. Они возбуждены, о чем-то кричат и некоторые показывают в сторону труб цементного завода. Наверное, их тоже галлюцинация одолела. И что у всех одна и та же? Такого не может быть! А если это не галлюцинация то, где же горы?

Нужно спуститься вниз, может эти люди знают, что вокруг происходит? Спуститься без лифта я, наверное, кое как смогу, а вот подняться назад вряд ли. Нет, буду ждать и наблюдать пока не появится напряжение в сети. Так я промаялся пол дня и ничего не понимал. Люди внизу у подъезда постепенно рассосались. На улицах спешили прохожие, нервно озираясь. По проспекту двигались автомобили и другой бензиновый транспорт. Троллейбусов не было, электричество так и не появилось.

Вдруг с проспекта раздался скрежет тормозов и сильный удар – авария. Несколько автомобилей сцепились изуродованными кузовами. Из них полезли люди, раздался крики, ругань и тут такое началось. Они начали драться. Все против всех. Причем кричали и дрались неистово, на полную катушку, мужчины и женщины. К драчунам подтягивались прохожие и водители соседних машин, застрявших в образовавшейся пробке. Многие из них тоже лезли в драку. Я с ужасом наблюдал это всенародное помешательство, пока меня не отвлекли крики из соседней квартиры. Через тонкую стенку, которая отделяла соседнюю квартиру слышались крики ребенка и жуткий мужской рёв. Это кричал соседский мальчик Артём и ревел его отец. Я расслышал – папа не надо! Аааа...а! Потом тяжелый удар и голос мальчишки пропал.

Рванул из квартиры на лестничную площадку и стал ломиться к соседу. Стальная дверь заперта, на стук по ней никто не отзывается и не открывает. Прислонил ухо к двери и услышал странные звуки. Вроде кто-то странно урчит и это урчание прерывается чавканьем. Что за черт?

И тут у меня резануло в левой половине грудной клетки. Голова закружилась и ноги подкосились от нахлынувшей слабости. Не удивительно – бессонная ночь и столько волнительных событий с утра, мотор не выдержал и начал сбой. Доковылял до своей квартиры, сунул таблетку нитроглицерина под язык и завалился в кровать. Перед тем как отрубиться всплыла мысль – допрыгался. Вот и пистолета не надо.

Очнулся от громкого звука с улицы. Машинально отметил, взглянув на часы, что провалялся долго, часа четыре.

– Граждане! Вы подверглись химической атаке. Ваши родственники или соседи могут проявлять признаки тяжелого психического расстройства. Вывешивайте из своих окон белые простыни или полотенца, чтобы мы могли найти вас и оказать необходимую помощь.

¹ Мергель – осадочная горная порода, известняк с примесями карбонатов, глины и соединений железа. Сырье для производства цемента.

Объявление громкоговорителя раздавалось с улицы. Ну теперь хоть что-то становится понятно, и многое объясняет. Я схватил полотенце и двинул на лоджию. Внизу стоял здоровенный грузовик с обшитым металлом кузовом и на этом кузове сверху была укреплена сварная железная надстройка с пулеметом и пулеметчиком. Чуть в отдалении, на выезде из нашего двора стояла еще одна странная машина. Джип с пулеметом и человеком в кузове – типичный шахидмобиль. Оба пулемета регулярно меняли направление прицеливания, и тот который в джипе развернулся и уставился на меня, когда я стал размахивать своим полотенцем. Возле грузовика несколько военных заталкивали в кузов гражданских людей и мне один из них прокричал:

– Сейчас за вами придут! Никуда не отходите. Двери откроете, когда к вам постучат. Понятно?

– Хорошо! Я все понял! Жду. Крикнул я в ответ. И пошел собираться.

Собираться – это громко сказано, не чемодан же с собой брать. Одел куртку, сунул в карман свою долларовую заначку и выдвинулся к входной двери ждать спасателей. Скоро из-за двери послышались щелкающие звуки. Где-то я такие уже слышал. Ну да, это же выстрелы из оружия с глушителем. Продолжаю не понимать, что же вокруг происходит.

Через некоторое время в дверь мощно постучали. Поворачиваю ручку и вижу два калаша с глушителями, направленными мне в грудь. Меня так поразил вид оружия, что я не сразу разглядел их обладателей. Один плотный, лет на 35, а второй молодой совсем не боле 18. Молодой щерится улыбкой без двух передних зубов.

– В квартире еще кто ни будь есть?

Спросил грозным голосом здоровяк.

– Да нет. Я один.

– А ну Фикса проверь, мотнул старший головой в сторону квартиры.

Молодой рванул по комнатам и спустя несколько секунд из кухни раздался голос: – Чисто!

– Дед, а у тебя оружие, консервы, водка есть?

– Оружия нет, компот в кладовой, водки тоже нет. Так вы спасать или грабить меня пришли?

– Нет у него ничего, – показался из дверей, который Фикса. В руках у него была бутылка дорогого иностранного коньяка, который мне пару лет назад подарили родственники на мой юбилей.

– Ну все, пошли тогда.

Здоровяк схватил меня за шиворот и направил толчком к двери.

– Дуплет, ну и на хрена он нам нужен, он же старый как Пизанская башня. Его же сейчас потрошить не имеет смысла. Нужно откармливать и живчиком отпаивать пару месяцев пока в норму придет.

– Мне Бугор сказал всех иммунных тащить, вот и потащим, раз он иммунный. Понятно?

Эти двое общались между собой и не обращали на меня никакого внимания. Как будто я вещь неодушевленная или скотина какая-то. Теперь они мне силовиков из МЧС уже не напоминали. Это были бандиты-уголовники и клички у них бандитские.

Подталкиваемый автоматом, я с трудом спускался по лестничным пролетам, натываясь в темноте на трупы своих бывших соседей. Попытки остановиться, чтобы перевести дыхание, пресекались еще более грубыми толчками. Сознание от непосильного напряжения начало меркнуть, и я начал себя ощущать только на улице возле стального транспортного средства.

– Так, а это что за набор гребанных древних костей?

– Бугор, всё как ты сказал. Он иммунный. Вот и привели.

– Ладно кидайте его в кузов, если будет с грузом перебор выкинем на корм зверькам нашим. И быстрее шевелитесь. Когти рвать пора, скоро сюда весь зверинец прибежит.

Внутри кузова пахло как на скотобойне – кровью и сортиром. Раздавались всхлипывания и бормотание невольных пассажиров. Видно, они тоже понимали, что попали не к спасателям. Я на последних силах отполз от задней двери кузова, упал в вонючую жижу на полу и отрубился без сознания.

Продолжаю вспоминать

Очнулся. Раз очнулся значит живой! Не открывая глаз, ощутил знакомые больничные запахи. Открыл глаза – точно больница. Лежу голый под белой простыней, а рядом стоит капельница. Приподнял голову, огляделся.

Палата небольшая, опрятная на четыре койки, но я здесь один. Рядом с кроватью деревянный стул и тумбочка. В поле зрения своей одежды не наблюдаю. Ладно придет медработник какой-нибудь, разберемся. Удивил цвет физраствора в капельнице, мутно желтый. Что это мне вливают такое? Тоже разберемся.

Поползли воспоминания предыдущих событий – бред какой-то, такого просто не может быть. Я, наверное, тронулся головой, а воспоминания это просто бред сумасшедшего. Вот, наверное, поэтому я и в больнице. Это, наверное, психушка какая-то.

Размышлять не пришлось долго. Дверь открылась и в палату вошла она. Женщина ослепительной красоты. С ладной фигурой в белоснежном халате, темные волосы, голубые глаза. Ну в общем я не сразу вспомнил, что хотел задать массу вопросов.

– Как себя чувствуете больной?

– Хорошо, а где я?

– Вы в больнице стаба Крепостной, а я работник этой больницы, знахарь. Меня Медуницей зовут.

– Подождите, что это такое «стаб»? Почему знахарь, а не врач или доктор? И почему Медуница? Я что теперь в Огуречном городе и зовут меня Незнайка? Или я просто в психушке?

Медуница рассмеялась, показывая великолепные белые зубы. Оказывается, когда она улыбается, то еще красивее.

– Давайте сделаем так, я понимаю, что у вас много вопросов. Кстати, вы меня удивили, я давно не встречала людей, которые знают творчество Носова. Я пока не буду отвечать на ваши вопросы, а сама задам вам пару штук. Я оставляю вам это буклет.

Она вынула из папки несколько скрепленных листов бумаги.

– Вы это прочтете за пару часов. Я к вам вернусь к тому времени и буду отвечать на любые ваши вопросы. Идет?

– Хорошо, идет.

– Ну тогда первый вопрос: люди из отряда, который вас привез после боя с мурами, называли вас Дед. Это так вас зовут?

– Какой бой? Какие мурсы? Какой дед? Ничего не понимаю.

– Подождите, вопросы потом. Как вас зовут?

– Фирсов Сергей Иванович.

Понятно, значит вас никто не крестил, а я вас Дедом записала. Давайте сделаем так, вы теперь будете Дед, а я значит ваша крестная. Это чтобы не заниматься исправлениями.

– Сколько лет уже в Стиксе живу, а это первый раз, когда выступаю в роли крестной, – и она опять рассмеялась.

– Девушка, я абсолютно не понимаю, что сейчас происходит.

– Ничего это скоро пройдет. А теперь второй вопрос: Вы не против того, чтобы я вас немного изучила?

Я кивнул в знак согласия головой, и она бесцеремонно содрала с меня простынь и начала водить руками по всему телу, не дотрагиваясь до оногo. Никаких тебе стетоскопов, узи или других приборов. Ну да, она же «знахарь».

– Нет одной почки, но новая уже начинает проклеиваться.

Медуница комментировала свои открытия. Я было дернулся спросить, как это «проклеивается», но прикусил язык, вспомнив, что спрашивать запрещено.

– О, тут у вас от простаты много отрезали.

Водила она руками над пахом. Потом потеряла интерес к этому месту и перешла на грудь, шею и голову. Над головой, она корпела дольше всего. На лбу у нее появились морщинки особой сосредоточенности, а на лице гримаса непонимания.

– Ну что доктор, жить буду? – не выдержал и спросил.

– Будете, куда денетесь, еще меня переживете. У вас пошел процесс регенерации, потерянные органы и ткани восстанавливаются. Раковые клетки рассасываются. К сожалению, это все будет не скоро, у вас весь организм на перерождении. А это большая работа для него, месяца два не меньше.

– Товарищ Медуница, я опять мало что понял, кроме того, что у меня все отрастет...

– Вот и хорошо, – перебила меня знахарка – читайте книжку. А когда спорановый раствор кончится, – кивнула она на капельницу – зовите Машу. Она дежурит в коридоре. Нужно будет поставить новую порцию. До встречи через два часа.

И изящно упорхнула из палаты.

Вот дела, значит я не в дурдоме, или все-таки в дурдоме. Будем читать книжку, в которой как утверждают местные ангелы есть ответы на все вопросы. Только как я ее буду читать, где мои очки? Без них я самые толстые заголовки не прочитаю. Я схватил буклет и начал пытаться что-то там рассмотреть.

Как ни странно, это мне удалось. Если держать буклет на почти вытянутых руках, то можно разглядеть даже самые маленькие буковки. Чудеса, которым я уже устал удивляться.

Чтение оказалось очень увлекательным. Я в общем то не смотря на возраст люблю фантастику. Стругацкие, Брэдбери, Лем и другие не пылились на полках. Постоянно их перечитывал. Но эта фантастика, изложенная в виде краткого справочника, меня просто поразила. Здесь были ответы на все мои вопросы, или почти на все. Все непонятные слова, которые я слышал от муров и Медуницы, находили свое значение и располагались на полках памяти на свои места. Я понял, что такое споран, стаб, мур, Улей, Стикс, зараженный, иммунный, итд. Организм бунтовал, против такой ереси, иногда хотелось швырнуть буклет и закричать, что этого не может быть, но всплывали в памяти трубы цементного завода, без горного хребта и все становилось на место. Ладно, пусть это и бред, но очень логичный бред. И в этом бреде мне придется жить и пытаться выжить. Я так увлекся чтением, что почти не заметил, как мне поменяли раствор в капельнице.

Появилась улыбающаяся Медуница. Неужели два часа уже прошли.

– Ну как, прочли?

– Да, по второму кругу уже пошел.

– Ну задавайте вопросы, если они есть.

– Да почти все ответы на мои вопросы уже нашел. Доктор, расскажите, как я сюда попал? Меня как сунули в грузовик муров, кажется, я с тех пор ничего не помню.

– Тот кластер, где грузится городок, в котором вы жили, контролируется бандой муров. Они туда после каждой перезагрузки наведываются и свежаков, таких как вы, для разделки собирают. Вы же читали про муров и внешников?

– Читал, – кивнул я.

– И когда караван муров с добычей двигался на свой стаб, то угодил в засаду, которую ему стронги устроили.

– Стронги это те, кто с внешниками и мурами воюют?

– Верно. В наши края иногда отряд Беркута наведываются, отмороженные ребята. Так вот эти беркуты разгромили муров в пух и прах. Никого в живых не осталось.

– А пленные в том грузовике, где я был?

– К сожалению тоже. В грузовик из РПГ пару раз попали, все в фарш. Стронги уже собирались ретироваться, чтобы под атаку беспилотников не попасть, как их сенс засек что-то

живое в куче трупов в кузове грузовика. Вытащили вас с самого низа этой кучи и привезли к нам в стаб. Боже! Какой вы были грязный – кровь, кишки. Мы с Машей замучились вас отмывать.

– Медуница, а зачем эти стронги меня спасли? Могли же и бросить?

– Дед, вы можете меня звать Меда. Меня здесь все так называют. А не бросили вас, потому что закон такой есть в Улье, новичков не бросать, а помогать. Хотя многие в отряде были против, но Беркут правильный командир у них, приказал и они здоровенный такой крюк сделали, чтобы вас в наш стаб доставить. На себе тащили около 50 километров.

– Жив буду, постараюсь отблагодарить этих беркутов.

– Они часто к нам заезжают. Так что такая возможность будет.

– Меда, еще вопрос – как долго вы собираетесь меня лечить и что я за это должен. У меня в куртке доллары были, только где эта куртка?

– Так как вы попали в мою больницу в статусе свежака, то эта медпомощь бесплатная для вас, и делается за счет стаба. Лечить вас мы не будем, так как все у вас в порядке, завтра утром можете уходить. А доллары забудьте, мы их выкинули.

– Как выкинули? – ахнул я.

– Да они в Улье ничего не стоят! – рассмеялась знахарка – Вы же читали в брошюре, что валюта у нас – спораны, горох и жемчуг.

– Ну да, читал. А где их можно зарабатывать?

– Утром Маша выдаст вам чистую одежду, это тоже за счет стаба. А зарабатывать придется, конечно. Вам же нужно будет что-то есть и пить спорановый раствор. Я тут связалась с одним местным бизнесменом, его Боров зовут. Он владеет увеселительным заведением «Веселый Трэйсер», там гостиница, ресторан и девочки. Боров обещал вам найти не очень трудную работу, кормить и жильё предоставить. Утром и идите к нему устраиваться. А дальше посмотрите и может быть чем-нибудь более выгодным займетесь.

– Спасибо тебе дочка! Как же мне тебя и Машу отблагодарить?

– Не надо нас благодарить, хотя есть один способ. Вы же знаете, что я – знахарь. Это не звание, это такое умение, что Улей мне дал. Кроме лечить людей, я могу определять и активировать умения у иммунных. Ну вы же читали в брошюре?

– Читал.

– Так вот, когда я вас исследовала, то обнаружила, что у вас есть умение, хотя этого не может быть. Слишком мало вы здесь прожили, не может оно так рано раскрыться. И еще, что очень странно, я не могу определить в чем оно проявляется. Никогда такого не встречала, и от других знахарей ничего о подобном не слышала. Я вас очень прошу, подойдите ко мне через недельку. Я попытаюсь навести кое-какие справки и еще раз вас изучу. Договорились?

– Окей. Конечно приду. Мне самому интересно.

– Отлично! Тогда я вас покидаю.

– Подожди, Меда. Последний вопрос – почему ты такая красивая?

– Ну теперь я за ваше здоровье совсем спокойна, – улыбнулась Меда – Раз такие вопросы задаете. Вот через пару месяцев, когда вы сбросите несколько десятков лет, мы с вами это и обсудим.

Муравьиный стаб

Вот так, не сомкнув глаз, прокручивал в голове начало своей жизни в этом странном мире и встречу с красавицей Медой, пока не заметил, что в моем маленьком грязном окошке посветлело. Скоро рассвет. Глянул на часы: – Пора выходить.

Встретился со своими попутчиками около огромных стальных ворот. Кроме Жердя и Кабана у проходной возле ворот стояли двое хорошо вооруженных охранников и один без автомата, но с пистолетом на боку.

Ого, сам начальник безопасности Михалыч пришел нас провожать! Неприятный тип. Я еще на Земле особистов недолюбливал, а это был типичный особист. В прошлой жизни майором КГБ служил и здесь в стабе тем же занимается.

– А этого, – кивнул он на меня – вы что в качестве шашлыка берете? Туристы гребаные.

– Окстись, Михалыч, – затарахтел Жердь. – В кои веки решили человеку помочь, трясучку полечить, а ты на нас напраслину возводишь.

– Знаю я вас, филантропов долбанных. Если без него вернетесь, я вас через ментата пропущу, и узнаю, что вы там лечили.

Несмотря на недовольство начальства, ворота нам приоткрыли и мы, пройдя через несколько бетонных блоков, замедляющих проезд автотранспорта, вышли на раздолбанную бетонную дорогу, окруженную не очень густым лесом. Пройдя с километр, свернули, на проселок, по которому видно было, что редко ездили.

– Тут недалеко, километров шесть, – начал объяснять мне Жердь.

– Мы туда с Кабаном часто ходим. Там один маленький стаб есть в виде треугольника. В улье такие часто встречаются. Это когда три кластера в одном вместе сходятся. Вот между ними и располагаются такие стабы. На таких поселения не строят, слишком маленькие, а вот что-нибудь закопать, или землянку отрыть можно. Они ведь не перезагружаются и все там храниться вечно.

– Так у вас там землянка?

– Нет. Там мы лабаз¹ на дереве соорудили. Замаскировали. Рядом кластер с небольшой деревней. В деревне несколько зараженных обычно сидят. Крупных не бывает, там жрать некого. Обычно несколько бегунов, иногда один до лотерейщика отъедается. Ну мы в свою засаду залезем, нас там не достать, зараженные хоть и ловкие твари, но не обезьяны же, по деревьям не любят лазать. Так вот мы там слегка пошумим, эти гады прибегут из деревни, а Кабан их из своего винтаря с глушителем и успокоит. Кабан хороший стрелок, в голову на триста метров попадает. Дар у него такой. Так вот мы после того, как убедимся, что в деревне уже никого нет, слезаем, выпотрошим тварей и в стаб обратно возвращаемся. К вечеру уже дома будем. И трясучка твоя пройдет, мы по дороге несколько кластеров пересекать будем.

Шли не спеша. Видно, мои спутники понимали, что я не спринтер. У Жердя за спиной болталась охотничья берданка, а Кабан держал свой карабин в руках и внимательно смотрел по сторонам.

– Кабан! Да не напрягайся ты так. Никого вокруг нет, -

обратился Жердь к своему напарнику, а я сделал вывод про себя: – Наверное Жердь – сенс, поэтому так спокойно себя и ведет. Полезное умение.

Мне было все интересно, я ведь первый раз за воротами стаба в сознании путешествую. Я даже научился замечать смену кластеров, по еле заметной смене цвета грунта и изменению растительности. Скоро я увижу первых зараженных и охоту на них. От восторга я даже перестал

¹ Лабаз – Засада охотника на дереве

чувствовать подсознательную неприязнь к своим спутникам. Эти люди – мои первые учителя. И они дают урок, как выживать в этом мире.

А вокруг была красота смешанного леса среднерусской полосы. Обочину украшало цветущее разнотравье. Гудели шмели, порхали бабочки и стремительно проносились крупные стрекозы. Лес щебетал и чирикал, все это сливалось в такой знакомый и приятный беззаботный гомон. Казалось, что ты на земле, и что нет никакой опасности в этой прогулке.

– Дед, а Дед, а что там у тебя с нашей знахаркой? – Весело подмигивая обратился ко мне длинный. Говорят, ты к ней бегаешь регулярно. Смотри, на нее уже давно Михалыч глаз положил. Только она ему не дает. Отшивает подальше. Мужики из стаба её десятой дорогой обходят. Боятся с Михалычем связываться. Он очень опасный тип и если займет зуб на тебя, то долго не проживешь.

– Да ничего у меня с ней нет. Хожу к ней раз в неделю, потому что она сама попросила, – поморщился я. – Она меня с научной целью изучает. Как на старого человека Улей действует.

– А, тогда понятно.

– Слушай Жердь! – обратился я к своему учителю.

– Вы там мне долю добычи обещали. Так мне этого не надо. Я ведь не на охоту собирался, а трясучку подлечить. Да и не охотник я, вы все без меня прекрасно сделаете.

– Как скажешь, Дед, – Жердь переглянулся с Кабаном.

– Мы из тебя охотника сделаем. Вот дай мне свой топор.

Я протянул ему свою железяку. Жердь повертел его в руках, хмыкнул и зашвырнул его в кусты. На мой недоуменный вид ответил:

– Этой дурой ты себе еще ногу отхватишь. Вот клевец возьми. Дарю.

И протянул мне изящную кирочку, у которой вместо острого конца был небольшой шарик.

– Вот этим кругляком и надо бить пустышей в лоб. Верное средство, чтобы успокоить. А потренируешься, то и бегунов будешь валить.

– Спасибо! При первой возможности буду благодарить.

– Ничего. «Скоро отблаговаришь», – с легкой усмешкой сказал длинный и посмотрел в сторону напарника. У меня опять тревожно засосало под лопатками.

Проселочная дорога, по которой мы двигались, повернула направо, а мы двинулись по еле заметной тропинке прямо, обходя буреломы и перескакивая через поваленные стволы упавших деревьев. Минут через двадцать Жердь остановился на очередной границе кластеров и сказал:

– Всё пришли. Вот это и есть муравьиный стаб.

Местность впереди резко отличалась от той, по которой мы только что шли. Редколесье. В основном колючий кустарник. Все кругом испещрено небольшими правильной формы холмиками, не более двух метров в высоту. Холмы эти были разными. Одни поросли травой и кустарниками, другие были похожи на отвалы свежей почвы, а третий сорт – самые маленькие представляли из себя муравьиные кучи из хвои и мелких веточек. Было заметно на них некое шевеление. Кое где были и большие деревья. Вот к такому дереву мы и подошли.

– Вон там, – Жердь указал вверх, – наш лабаз.

Я глянул туда же но ничего не разглядел. Много веток и густая листва.

– А дальше, – Жердь с выражением опытного экскурсовода показал небольшую поляну с одиноким деревцем посередине, – будет наш тир.

– А теперь, господа охотники, молчим и идем на разведку. Смотреть будем какая дичь нас дожидается.

Мы крадучись последовали за Жердем, пересекли эту поляну и залегли на краю густых кустов. Впереди начиналось травяное поле, местность уходила вниз, и внизу как на ладони располагалась небольшая типичная российская деревенька. Домов на 50 не больше.

Все стали ее изучать. Кабан смотрел в свой оптический прицел, Жердь прикрыв глаза ушел в себя – видно своё сенсорное умение включил. Я же как ни напрягался, никого живого впереди не видел. Пасторальная картина, только ни людей, ни коров, ни собак. Абсолютная безжизненность.

Расслабился. Пусть молодежь глазастая смотрит, тут я со своим зрением вряд ли им помогу. Хотя зрение у меня теперь было несравнимо зорче, чем в первые дни в Улье. Да и выносливость прокачалась на недостижимую высоту. Шесть верст отмахал и ни разу на отдых не попросился. Месяц назад, я задыхался и через каждые 100 метров искал скамейку, чтобы передохнуть. А сейчас, как молодой верблюд, иду себе и не устаю почти.

Жердь повернулся к нам и, приложив палец к губам, показал жестом, что пора мол возвращаться. Мы двинулись за ним. Вернулись к лабазу и жердь доложил:

– Нашупал с десяток низкоуровневых, и еще странность одна была. В крайнем сарае вроде что-то было непонятное, а потом исчезло. Может показалось.

– Ладно, давай устраиваться, – проронил первые слова Кабан и полез на дерево.

Он был, где-то там наверху, чуть ниже расположился Жердь. Я снизу передал Жердю наши рюкзаки и их оружие, а Жердь отправил все это дальше. Внизу остались только три банки тушенки и наши фляги с живчиком.

Мои компаньоны быстро спустились, и мы сели перекусывать. Такого зверского аппетита я давно не испытывал. Что делают здоровые прогулки на воздухе. Закончил свою банку, выпил пару глотков живчика и задал свой очередной вопрос:

– Вот скажите мне, пожалуйста, почему зараженные должны будут располагаться на поляне, а не попрутся в другое место.

– Дед, ты задал очень интересный и важный вопрос. У нас есть одна маленькая хитрость и благодаря ей эти дураки как раз и пойдут туда, где нам это и нужно. Пойдем, я тебе эту хитрость сейчас и покажу.

Жердь, весело улыбаясь повел меня за собой на поляну. Подвел меня к одинокому деревцу показал на него:

– Вот смотри сюда, – он указал на дерево, и я уставился туда же ничего не понимая.

И тут выключили свет.

Поездка на семинар

В маленькой каюте тускло горел свет. Теснота вызывала чувство клаустрофобии, но делать нечего, надо терпеть. Почему возникла ассоциация с каютой корабля, да потому что огромный транспорт, в который она погрузилась пару часов назад, и был сухопутным кораблем Стикса.

Караваны торговцев, которые с регулярной периодичностью передвигались по своим маршрутам, состояли из переделанных огромных карьерных самосвалов и тягачей для стратегических ракет. Они были обшиты толстыми листами стали и отовсюду торчали прутья приваренной арматуры. Крыши этих стальных монстров украшали башенки с торчащими стволами пулеметов и спаренных стволов зенитных орудий. Борта с прорезанными бойницами для стрелкового оружия. Впереди и сзади колонны легких, но боевой транспорт БРДМы, а еще дальше вперед выдвинута легкая багги с пулеметом.

Меда уже не первый раз путешествовала с караванами торговцев по своим делам и для нее все здесь было уже привычно. Вставила в ушные отверстия тампоны из ваты, чтобы заглушить невыносимый рев двигателя, и завалилась в узкую кровать, привинченную к стенке каюты.

Снаружи иногда приглушенно доносились короткие очереди из пулемета. Видимо отпугивали обнаглевших тварей. Меда прикрыла глаза и попыталась провалиться в сон, но это у нее не получилось, потому что она провалилась в воспоминания. Обычно все иммунные вспоминают свои первые часы и дни как они оказались в Стиксе, и Меда не была исключением.

Вой машин скорой помощи был слышен по всему ночному городу. Особенно пронзительный после ватной тишины, наступившей после оглушительного взрыва. Сидя рядом с водителем, она смотрела на проносящиеся мимо дома, на выглядывающих из окон встревоженных жителей.

Через день отпуск. Этот взрыв на хим. заводе мог расстроить все планы. Если много пострадавших, отпуск перенесут. Так уже было за семь лет работы врачом скорой помощи. Сразу после института было трудно. Сейчас она – матерая "врачиха", которую трудно удивить.

Стройную и хорошенькую, ее часто путали с медсестрой. Еще это редкое имя Майя. Имя придумала мать, увлекающаяся в юности древней историей и гороскопщиной, а отец не возражал. В школе ее звали сначала «Майкой», потом дразнили «Футболкой» и даже «Алкоголичкой». Мальчишки так оказывали внимание, а девчонки инстинктивно недолюбливали за яркие синие глаза и черную копну кудрей. Поняла она это позже, а в детстве горевала.

В студенчестве была безумная любовь со звездой кафедры прикладной математики с телом греческого бога. Но талантливый юноша превратился постепенно в талантливого ловеласа-коллекционера женских сердец, какими были и все его известные родственники по мужской линии. Но об этом Майя узнала позже. Ожог не прошел до сих пор и огорчал многочисленных обожателей Майи. Она просто держалась от них подальше.

Бригаду Майи направили к заводскому еще сталинскому Дому культуры. Там в просторное фойе с колоннами должны были свозить пострадавших. Слава богу, ей не надо будет проводить сортировку покалеченных и обожженных людей. Кого спасать в первую очередь, кого – во-вторую и третью будут решать другие врачи. Всегда эта проблема выбора – кому жить, а кому неизвестно, загоняла в стресс, который дома оборачивался депрессией. Ничего, закалишься, говорил опытный главврач.

Замелькали домишки пригорода. Ехать еще около часа, а химический кисловатый запах вместе с волнами тумана начал заползать в щели и клубиться в салоне.

– Что-то сильно пованивает – заметил молчаливый водитель Серега.

– Противогазы хоть выдадут? – Галя, медсестра бригады стала набирать диспетчеров, чтобы узнать новости.

– Связи еще нет, – сообщила она позже. – Прямо все сразу!

Галя у нас – душа бригады. Полная очень взрослая женщина, веселая и не отягощенная предрассудками. Много повидала и щедро делилась жизненным опытом.

– Ничего страшного, – сказала она – На этих задворках так и бывает со связью.

Свет в окнах уже редких домов окраины погас, как по команде. Ехали в полной темноте.

– Правильно, – взбадривала всех Галина, – этот пригород запитывается от ТП химзавода, а там неизвестно, как все пострадало.

– Галя и в электричестве разбирается, – подумала Майя, улыбнувшись про себя.

Туман рассеялся. Дорога казалась бесконечной.

– Когда уже приедем-то? – вопрос Галины повис в воздухе.

– Мы не заблудились впотьмах? Что-то я указатель на поселок "Васильки" справа не видела.

– Не знаю, – ответил Серега, – я тоже дорогу, как в первый раз вижу, угорели от этой химии. Связи не было никакой. Остановились.

– Все, – сказал Серега, – не могу ехать, сильно устал, голову ломит. Отдохну немного.

– Серега, из-за тебя нас премии лишат, стопудова, еще жертв навесят спасенных, – начала выходить из себя медсестра. Но деваться было некуда.

К счастью для всех наконец-то забрезжил рассвет. Правда несколько странный. На едва различимом горизонте в месте восхода солнца выплывали какие-то чернильные кляксы.

– Во нанюхались химии, – обалдело разглядывал это зрелище Серега. Подъехали к двум домам и большой ферме, чьи очертания виднелись за постройками.

Пошли стучать в дверь крайнего дома, потом в окна, потом в окна соседнего дома. Тишина.

– Странно это, – сказала Галина. – посмотрю, кто там живет. Может алкаши какие с перепою ничего не слышат? Говорила медленно, тяжело дыша.

Уморила совсем, – подумала Майя.

Галя толкнула дверь дома покрупнее, Майя даже не успела ее остановить. Неудобно как-то в такую рань вваливаться, – мелькнула у нее интеллигентная мысль.

Дом был пуст. В смысле людей не было, как будто только его оставили. Мебель, вещи стояли на местах, только постели были неряшливо разбросаны.

Послышался шум падающих стульев, хлопанье дверей, звон посуды. Что-то Галина разбушевалась, – встревожилась Майя.

В это время Серега занимался соседним домом так же бесцеремонно. Грохотал и даже оконное стекло зачем-то высадил. Майя вышла на веранду.

– Эй, ребята, вы что это дебоширите? – крикнула товарищам.

На звук ее голоса Галя вышла из дома и как-то вяло и невнятно стала что-то объяснять, долго и нудно. При этом голос был какой-то хриплый, а дыхание прерывистое. Майя вспомнила о ее проблемах с бронхами. Посадила на скамью у порога, достала стетоскоп из кармана халата и только приготовилась к обследованию, как Галина медленно вцепилась в ее руку и укусила за предплечье! На белом рукаве халата расплзлось рубиновое пятно крови. Майя в ужасе оттолкнула медсестру.

– Что за дурацкие шутки? Галя, что с тобой? – вскрикнула она. Галина бессмысленно глядела на руку Майи и опять потянулась к ней, урча, как животное. Лицо медсестры было бесформенное и чужое.

– Отравление, бешенство, неизвестная зараза, – варианты пролетели в голове стремительно. Как зомби! – Майя побледнела, вспомнив дурацкие фильмы-страшилки. От страха в глазах потемнело и ноги стали ватные.

Отскочив подальше, увидела Сергея. Он быстро ковылял к ней какой-то дурацкой походкой. Выражение лица было отрешенное. Слышалось то ли хрипящее дыхание, то ли урчание.

– Сергей, как ты себя чувствуешь? – крикнула она. Сергей с утробными звуками зашагал быстрее, странно ловя руками воздух. С другой стороны, медленно и неуклюже шла полная Галина. Майя, глядя на них, стала тихо отходить к машине.

– Ребята, не молчите, что случилось? – но ребята только быстрее приближались. Больные были заторможены, а то Серега догнал бы легко.

Заскочив в машину, закрыла водительскую дверь на замок. Проверила все оставшиеся двери. Начался грохот по кузову. Серега молотил руками по лобовому стеклу. С другой стороны, к стеклу прилипло перекошенное лицо Галины, она тянулась к Майе, урчала и шевелила губами, как ребенок, который не может укунить пирожное. Дернуть ручки дверей ни один не догадывался.

Вокруг степь и ни души. Ужас холодной змеей пополз по спине Майи. Голова плохо работала, но молодое тело хотело жить. Она включила двигатель.

– Хорошо, что ключ в замке зажигания, – отметила про себя, – а бензина мало. Рванула на трассу, зомби остались позади.

– Надо срочно искать людей, быстрее определить диагноз и лечить бригаду. – Похоже и я инфицирована, – с отчаянием думала Майя. Болело все тело, руки дрожали. Господи помоги!

Охота на зверей

Очнулся, открыл глаза. Руки и ноги крепко привязаны. Во рту вонючая тряпка, запихана так, что никак не выплюнуть. Привязан на манер Христа в вертикальном положении. Затылок болит, как после сильного удара. Передо мной две ухмыляющиеся рожи моих учителей.

– О, очнулся наконец! Кабан, я же просил не сильно. Так и убить пожилого человека можно. Дед, ты хотел увидеть нашу хитрость? Вот ты и есть она – наша хитрость. Живец называется. Хотим монстров на живца половить, как на рыбалке. Ловил, когда-нибудь крупную рыбу на мальков? Мы в прошлый раз здесь охотились без живца, очень неудобно было. Эти твари под нашим деревом собрались. Очень трудно в них попадать было. Ветки и листья мешают. Кучу патронов зря извели, а они, Дед, немало стоят. Без живца рентабельность охоты слишком низкая. Тебе теперь понятно? Зараженные возле тебя соберутся, обедать будут. Вот мы их, как в тире, и перестреляем.

Из Жердя так и поперло остроумие. Он упивался своим превосходством и находчивостью.

– А для того, чтобы они на тебя с гарантией навелись, ты нам поможешь. Мы тебя простимулируем.

Он вытащил из-за пояса монструозный нож и с силой воткнул в мое левое бедро. Я завыл от страшной боли. Из глаз потекли слезы, а из раны рекой полилась кровь. Жердь приложил к ноге еще одну тряпку и начал напityвать ее кровью. Затем он этой тряпкой набрызгал мокрую дорожку до ближайшего муравейника и бросил.

– Сейчас к тебе поползут муравьи и будут тебя кусать. А они здесь очень кусачие и злые, так что ты ори погромче пожалуйста.

С этими словами он с силой выдернул у меня тряпку изо рта и вдвоем с напарником побежал взбираться на свой насест.

Вот сволочи! Пронеслось в моей голове, а я уши развесил, не мог сразу догадаться для чего они меня сюда ведут. Буду молчать. Зубы стисну и молча подожду. Не буду этим гадам помогать.

Но видно друзья охотники предвидели такое мое поведение и с дерева раздался громкий выстрел дуплетом из берданки. Стреляли не по мне, а в воздух для шума.

Мне стало как-то нехорошо. Мир поблек. Видно, последствия шока. И я стал наблюдать за происходящим как бы со стороны. Спокойно и без эмоций.

Вот появились муравьи из своей кучи. Они деловито двигались вдоль кровавой дорожки. Некоторые останавливались и подолгу пили из луж мою кровь, а остальные все ближе и ближе приближаются к моим ногам. И вот они уже забираются по мне.

Пока не кусают. И тут я почему-то вспомнил кадры из одного фильма про муравьев, где тропические муравьи-ткачи, кажется так называются, а может муравьи-портные, стягивают и сшивают листья деревьев, чтобы сделать свое гнездо. Они кажется экофилла называются вдруг вспомнил я их латинское название. Вот бы и эти так. Стянули бы мне края раны и зашили, чтобы кровь не текла. Господи, какая чушь в голову лезет перед смертью.

Вдруг на краю поляны зашевелились кусты и появились спортсмены – бегуны на длинные дистанции. Они вытянулись в длинную колону, которая устремилась в мою сторону. Спортсменами они выглядели, потому что почти все были без штанов. При приближении уже можно было разглядеть авангард этой колонны – один мужик и две бабы. Волосы пучками, местами лысина. Морды безобразно оплывшие, почти уже не человеческие. Руки не по-спортивному вытянуты вперед, уже хватать меня собираются.

И вдруг раздался короткий мощный рык с правой стороны поля. Колона как по команде остановилась. Из леса вылетело что-то страшное, большое и стремительное. Причем летело

это не ко мне, а к голове колоны. Первые три спортсмена улетели в кусты от удара огромной когтистой лапы., а остальные начали пятиться назад, изображая страх и покорность.

Огромная почти 3-х метровая горилла про урчала низким горловым звуком своим младшим коллегам, после чего они опять стали пятиться назад и развернулась ко мне.

– Рубер, кажется, – подумал я, вспоминая рисунок из буклета, – а может быть и молодая элита. Отметил, что все тело покрыто костяной броней и острыми шипами.

Зверюга не спешила кидаться на меня, чтобы сожрать. Она поняла, что я обездвижен и никуда не денусь, и стал крутить головой, чтобы понять, кто тут для него приготовил обед и не ловушка ли это. Тело его было напряжено и готово в любой момент сорваться в гигантский прыжок.

И вдруг на его черепе сверкнула искра и раздался противный визг рикошета.

– Вот дурак Кабан, – подумал я, – сидел бы себе потихоньку и глядишь бы пронесло. Пуля не нанесла обросшему костяной броней черепу образины никаких видимых повреждений. Зато он сам сразу навёлся на стрелка и полетел двумя прыжками к дереву с лабазом.

Глянул вверх, попытался залезть, но не получилось. С треском обломилась огромная ветвь. После падения чудище обежало дерево пару раз и ухватило передними лапами за ствол. Сверху начали беспорядочно палить из ружей, но чудовище, не обращая внимания на эти комариные укусы, стало трясти дерево, как садовод молодую грушу в саду. Огромное дерево моталось по гигантской амплитуде из стороны в сторону. Дерево выдержало, а деревянный настил лабаза нет. В сторону полетели доски и визжащий, как поросенок Кабан.

Рубер подбежал к телу и коротким движением лапы успокоил его. Затем вернулся к дереву и продолжил свое занятие. Жердь не долго цеплялся за ветки и тоже полетел вниз.

Гигантский зараженный деловито схватил добычу. Одного лапой прижал к телу, а другого взял в зубатую пасть и не спеша направился в мою сторону. Разложил свой обед прямо передо мной и деловито стал хрустеть костями Кабана. Меня он не кинулся убивать, прекрасно понимая, что я никуда не денусь. Умная тварь.

Жердь, оказывается не умер. Он начал копошиться двигать руками и что-то невнятно бормотать. Бредил похоже. Нижняя половина его тела не двигалась, позвоночник переломан.

А рубер доел Кабана, даже мозги из черепа высосал с громким сербаньем, и потянулся к его другу. Вдруг вдали у группы спортсменов, которые до этого почти не показывали своего присутствия, началась движение. Рубер и я синхронно стали смотреть туда. Зараженный даже привстал, чтобы лучше видеть. Младшие людоеды начали крутиться. Пытались дотянуться до верхней части позвоночника, чтобы почесать чего-то там. По очереди падали и катались по земле. Что за черт возьми происходит?

Чудовище не долго любовалось концертом своих младших коллег. У него тоже зачесалась шея ниже затылка. И он стал тянуть туда свои когти. И тут до меня дошло, что это их муравьи кусают. В брошюре про Стикс было написано, что зараженные почти не чувствительны к боли. И что же это за муравьи, такие, что способны досадить этим непробиваемым чудовищам? И почему меня до сих пор никто не кусает?

Младшие зараженные начали затихать на земле. Было видно, как они судорожно дрожат перед смертью. Старший их собрат боролся еще долго, с громким ревом катался по земле и несколько раз чуть не снес мое дерево вместе с моей привязанной тушкой. Он пытался дотянуться до верхней части спины, но у него не получалось. Огромные шипы и переразвитая мускулатура не давали это сделать. Вскоре затих и он, и я вместе с ним. Но я затих не потому, что меня покусали, а просто от шока или потери крови, а скорее от того и другого вместе. У меня опять отключилось сознание.

Продолжение воспоминаний

Ехала недолго. Разболелась рука, тошнило до рвоты и тело уже плохо слушалось Майю.

– Начинаю болеть после укуса, – мелькало в остатках ее сознания. Мобильник молчал. Бензин кончился, а с ним и силы. Бессонная ночь давила тяжелым грузом. Если бы не адреналин от ужаса неизвестности, уснула бы за рулем в пути. Машина уткнулась в какие-то кусты за обочиной. Больше она ничего не помнила.

Очнулась от шума двигателя и тряски. Во рту ощущалась какая-то дрянь, как-будто жевала грязные носки. Оглядевшись, она увидела, что едет на переднем сиденье большого джипа. За рулем был небритый мужчина средних лет в камуфляже. Рядом лежал автомат. Сзади сидело трое, в такой же амуниции, обвешанные оружием, в котором она не разбиралась. Рука не болела. Чувствовала себя Майя подозрительно хорошо. Может и не заразилась, порадовалась она осторожно.

– Здравствуйте, кто вы и куда мы едем? – опасливо начала разговор Майя. – Как добраться до ближайшей больницы или медпункта? Моя бригада заболела неизвестно чем. Срочно нужны врачи.

– Мы поможем, успокойся, едем в стаб. Там больница, есть врач, – сказал водитель, – только вашей бригаде уже помощь не нужна.

– Как вы можете такое говорить? Вы же не медик и где этот стаб находится? Я о таком населенном пункте никогда не слышала, – волновалась Майя.

– Вот, почитай. Дорога длинная. Вопросы и отпадут, – водитель сунул Майе тонкую, со школьную тетрадь, брошюрку.

– Только надо познакомиться для начала. Как тебя зовут, чем занималась? Я Лось, командир вот этих орлов, – кивнул он головой в сторону задних сидений. – Бот, который крупенький, Ара, который черненький, а Заяц, он молоденький, – весело представлял он товарищей.

Бот похоже был обжорой, Ара, смуглый симпатичный брюнет, а Заяц походил на мальчишку, со светлым чубчиком на бритой голове.

– Меня зовут Майя Владимировна Муромцева, терапевт общей практики, ответила она осевшим голосом.

– Повезло же нам с доктором – продолжил командир, плотоядно глянув на ее грудь под белым халатом. – Очень хорошо! Только ФИО – это длинно, здесь не принято, надо покороче. Назовем тебя Медуницей.

– Вы, черти, про Незнайку хоть читали в детстве? – обернулся он к друзьям. Послушав тишину в ответ, продолжал: – Теперь для всех ты Медуница, а я твой крестный. Так всем и представляйся, – закончил он довольный собой.

– Я с ребятами давно в пути, – продолжал он. – Поход тяжелый был. А приедем в стаб не скоро. Ты рассказывай пока, что да как. Будем делиться инфой, – ухмыльнулся он, громко нюхнув за чем-то прядь ее сбившихся волос.

– Женщины у нас большая редкость, да еще такие красавицы, – весело объяснил он свою бестактность.

После длинного и взволнованного рассказа Майи Лось равнодушно подытожил: – Карочи, Айболит, прошлую жизнь забудь, чтоб не огорчаться. Начинай новую. Повезло тебе очень с профессией. Да и внешне куколка. В общем повезло вдвойне. Бригаду твою не вылечить. Заражены местной бедой, стали инфицированными. Они не заразны, только любят здоровых кушать, такой дефект, – коротко хмыкнул рассказчик.

– Приедем в стаб, будешь работать в больничке, с почетом и уважением. И радуйся, что ты иммунная. Не заразилась и будешь здорова, если будешь меня слушать – закончил он, протягивая фляжку какой-то дряни со знакомым запахом. Майя вежливо отказалась.

– И зря, – заметил собеседник – скажи, если станет совсем плохо. Это живчик, он тебе уже помог, а то бы померла.

Дорога была бесконечной. Майя перечитала брошюру два раза. Фантастический бред, решила она, а ребята сбежали из спец.стационара. Только где они раздобыли столько оружия? – не понимала она, – Вляпалась, так вляпалась!

Командир устал и передал руль Аре. Последний пытался все время заговаривать с Майей и сально разглядывал ее коленки. Машина плавно раскачивалась и размеренный шум мотора убаюкивал Майю, но сквозь дрему она почувствовала напряжение людей. Голоса звенели, сзади стали клацать оружием.

– Вон, вон топтун, под холмом! – фальцетом закричал Заяц. Майя увидела огромное чудовище, прыжками несущееся наперерез машине. Оно было похоже на человека, но больше в два раза, с огромной головой, выпученными глазами, с когтями на больших передних лапах до земли.

Лось открыл люк на крыше и из автомата начал строчить по чудищу.

Бот опустил боковое стекло и тоже поддержал командира длинными очередями из своего автомата.

Ара бешено гнал машину. Бригада действовала слаженно, понимали друг друга с полуслова. Пули из несущейся машины не причиняли топтуну вреда. Хотя несколько видно достали и он стал отставать, слегка прихрамывая.

– Похоже я во сне, – решила Майя. Их методичка это правильно описывает и ей надо просто следовать сюжету этого длинного сна. Проснется же она когда-нибудь!

К вечеру постепенно голова Майи стала гудеть и раскалываться, в глазах темнело, закружился подлесок за стеклом и дышать стало нечем.

– Как-то мне не по себе, – прошептала она еле слышно.

– На, выпей, полегчает, я тебе уже вливал, когда полумертвая была, – ткнул ей Лось свою замусоленную флягу.

Майю накрыло тяжелое равнодушие, и она глотнула пойло. Вскоре ее отпустило, быстро возвращались силы.

– Наркотик? – показала на фляжку.

– Нет, сказал же – местное лекарство, живчик, слушай командира, деточка – сказал Лось наставительно.

– Споран разводят спиртом и водой. Потом узнаешь рецептуру и будешь делать микстуру, – коротко хохотнул он. – В методичке же про это написано. Забыла?

Он снова сел руль. И опять пустая бесконечная дорога уходила в горизонт. Майя засыпала Лося вопросами. Он отвечал подробно и длинно. Некоторые вопросы игнорировал. Услышанное соответствовало брошюре и не укладывалось в сознании.

– Это сон, – упрямо думала она.

От скуки Ара начал напевать что-то заунывное.

Заяц не выдержал: – Хорош тоску наводить!

– Какие мы нежные, – продолжил напевать под нос Ара. Сзади слышалась возня и сдавленный голос весело прохрипел: – Все, молчу.

Тем не менее они не забывали следить за окрестностями и не выпускали из рук оружие. Свернули на заброшенную проселочную дорогу. Тело болело от тряски и конца-краю этому путешествию не было. Но нет. Впереди показались одичавшие сады, а за ними и кирпичный домик с хоз. постройками вокруг. Все оживились.

– Вот и наша заимка. Цела. – Довольно сообщил Лось, – Отдохнем нормально.

Поплелись, пошатываясь, к дому. Грузный и самый голодный Бот с Зайцем в подвале нашли гору еды. Разожгли переносную газовую плитку, подключенную к баллону из бесцен-

ного подвала. Разогрели тушенку, наскоро поели ее с кабачковой икрой в жестяных банках. Заварили чай и повалились спать кто куда.

У Майи хватило сил найти спаленку на 2-м этаже. Было довольно уютно, если не считать сырости и запаха плесени, который бывает в заброшенном жилье.

Светало, она проснулась от рывканья Лося. Он отдавал команды сонным подчиненным:
– Проверить оружие, на озеро мыться, стираться. К обеду быть в форме!

Майе было поручено накрыть к полдню праздничный стол из возможностей кладовой подвала.

– Попразднуем, раз все остались живы, – объяснил командир, – через сутки будем уже в стабе. Там особо не расслабишься, – подмигнул он докторше.

Началась суета и броуновское движение. Проходя мимо Майи каждый пытался неуклюже оказывать ей внимание. То дурацкий комплимент шепнут, то цветочек сунут в руку. Лось вручил ей янтарные бусы из старинной шкатулки, найденной в доме.

В кладовой Бот шарил по ящикам, видно искал шоколад. Майя показала ему коробку на верхней полке и спросила:

– Где ваш стаб то находится? – Он, разглядывая обертки шоколадных плиток в заветной картонке, благодарно сообщил, что надо вернуться на автотрассу и ехать дальше, никуда не сворачивая.

– Наш стаб очень большой. Называется Крепостной. Там безопасно и все есть для нормальной жизни. – Гордо сообщил Бот.

Майя старалась, как могла, чтобы задобрить попутчиков. Учитывая легкое пренебрежение к людям- «желудкам», как их называли в ее студенческой общаге, она всегда готовила мало и просто, а сложные рецепты сразу отметала.

Сварила плов из куриной тушенки, настрогала подобие салатов из овощей с одичавшего огорода. Нашла подозрительную минералку и банки персиков в сиропе. В общем праздничный стол получился, какой получился. Украсила его букетом цветов из заросшего бурьяном палисадника и притащила бесполезный, очищенный от паутины самовар. Рядом разложила чашки-ложки и блюдо шоколадок, обрамленных галетами. Лось торжественно водрузил в центре 7 бутылок какого-то редкого коньяка. Коллектив был в восторге.

Вымытые, и не так воняющие служивые сияли и балагурили в предвкушении заслуженного праздника. И понеслось... Тосты за победы, за потерянных друзей, за светлое будущее. Мужики пили и совершенно не пьянели. Это было поразительно!

Назойливо подливали Майе в стакан, но она категорически не пила. Во-первых не любила, во-вторых эта компания ее пугала. Отговаривалась тем, что плохо себя чувствует.

Плов закончился, пить и есть устали, народ захотел развлечений. Она стала замечать на себе пристальные взгляды, от которых хотелось прятаться.

– Сейчас танцы! – объявил Лось. – Медуница, выбери-ка приличные пластинки возле патефона, скомандовал он с лоснящимся красным лицом. Тихо зазвучал какой-то древний вальс.

– Я на минуточку, – выскользнула из гостиной Майя. Долго не решалась вернуться, сидела в соседней комнате и не знала, что делать. С испугом услышала за стеной громкую ругань и крики.

– Я тут командир бл или кто? – орал Лось.

– Я первый, моя девка, вы потом, подождете до завтра.

– Лось, не наглей, – просто визжал Ара – как жопу под пули подставлять, так все равны, а как девка, так только тебе! Знаем мы это завтра! Пускаем по кругу сейчас!

Дверь распахнулась и Бот, который был в два раза больше Майи, схватив ее за руку, потащил в зал. Заяц рванул на ней халат, застучали по полу янтарные бусинки. Бот сдирал нижнее белье.

– Не ломайся, не убудет тебя, – приговаривал Бот, дыша перегаром и шаря жирными лапами по ее груди. Лось продолжал орать и распахивать конкурентов. От толчка Майя упала, ужас сдавил виски железным обручем и тут на нее накатила какая-то кипящая волна. Черные кольца волос встали дыбом и затрещали, как у медузы-горгоны. Такой безумной злобы и ярости она никогда не испытывала. Сознание помутилось и все что произошло дальше она помнит отдельными кадрами калейдоскопа.

Вот она вскакивает, вот кричит чужим голосом:

– Встать, уроды!

Видит их странные, ошалелые лица. Вот они встают, как по команде, вот смотрят на нее влюбленно и преданно.

Но гнев не отпускает и Майя мечется в истерике и кричит страшно и исступленно:

– Сволочи, я вас ненавижу! Делите меня уже? Ну-ка Лось, дай по морде этому Боту! Ара, избежь Лося и Зайца, Зайца тоже!

Вот начинается тяжелая, страшная драка. Течет кровь из рассеченных бровей, глухие удары сопровождаются стонами и руганью. Идет борьба на выживание. Раздаются выстрелы, стрельба нарастает. Крики, грохот. Ара стулом проломил голову Боту, Лось валится набок, стреляя в потолок, кричит и падает Заяц и Майя бежит прочь из этого ада.

Тишина звенела. Наступил вечер. Полумертвая, пролежав это время в овраге за садом, Майя поняла, что без живчика наступит конец. Подошла, пошатываясь осторожно к дому. Заглянув в гостиную, увидела погром. По ней, как ураган пронесся. Перевернутая мебель, разбитая посуда. Люди валялись тут и там в неестественных позах, в крови и с открытыми ранами. Сразу поняла, что это трупы. Сознание отдавало приказы и Майя на автомате их выполняла. Достала флягу живчика у командира, отхлебнула пару глотков и спрятала себе в карман. У Бота вытащила пистолет с патронами, взяла еды и бутыль с водой. Пошла к машине. Сняла рваную одежду, переделалась в чей-то запасной камуфляж и поехала из этого ужаса.

Длинною дорогой Майя пыталась понять, что же произошло. Как она могла во все это вляпаться и как случилось четыре трупа? Почему они из похотливых животных превратились в послушных рабов, готовых даже убивать? Решила, что разберется потом, но то, что никому нельзя рассказывать про свои приказы боевикам, она знала точно.

Есть контакт

Очнулся. Открыл глаза. Сажу на земле прислоненный дереву. Это то дерево, к которому меня эти бандиты привязали. Руки и ноги свободны, и кто же меня отвязал? Рядом на траве валяются тонкие волокна, как будто веревку кто-то аккуратно распотрошил на самые мелкие составляющие. Понимаю, что это муравьи. А вот и они, деловито бегают по мне.

В нескольких шагах от меня лежит огромная туша рубера и вся шевелится. Муравьев на ней сотни тысяч, наверное. И к муравейнику от этого труп идет широкая блестящая хитином, черная змея из быстро движущихся муравьев. Причем к руберу идут пустые, а обратно почти все груженные. В жвалах какие-то белые кусочки тащат. Мясо в муравейник несут.

Рядом, что-то зашевелилось и застонало. Оказывается, Жердь был еще жив. Вернее, жива была его верхняя половина, а все что ниже пояса было превращено в мешанину одежды окровавленного мяса и костей. Встал, перевернул его лицом вверх.

– Дед! Там спек! – Он потянул рукой в сторону бывшего лабаза.

Я пошел к многострадальному дереву нашел, возле него два рюкзака и свою котомку. И потащил все это к Жердю. В одном из рюкзаков нашел белый пенал и в нем шприц, заполненный янтарной жидкостью. Спек, это сильный наркотик, обладающий заживляющим действием. Хотя он вряд ли Жердю поможет, но хоть облегчит страдания. Выдавил содержимое шприца в плечо горе охотника и стал наблюдать. Лицо Жердя порозовело, и гримаса боли разгладилась.

– Дед, Дед! Спасибо Дед! Это Михалыч нас ..., – тут тело Жердя резко дернулось, и он затих.

Пощупал пульс, нет пульса. Отмучился. Про Михалыча хотел, что-то сказать, или это предсмертный бред под спеком? Теперь уже не узнаю.

Интересно, почему его тоже муравьи не жрут, они что едят только зараженных. Это хорошо. Но тут колонна муравьев, пролегающая от муравейника к руберу разделилась и один ручеек направился к трупу Жердя. Все-таки едят и иммунных.

К муравьям я всегда относился с уважением, и не только к этим. Всю жизнь старался не наступать на этот трудолюбивый народец. Помню в школьные времена, мне в руки попала книжка под названием «Пароль скрещенных антенн», под авторством Халифмана. Эта книга произвела на меня неизгладимое впечатление. Я узнал, что муравейник в совокупности можно рассматривать, как единый организм. В муравьином семействе есть строгая иерархия и специализация. Матки, солдаты, рабочие, крылатые – все это с виду разные виды, но на самом деле одни и те-же муравьи, только заточенные под выполнение своих узко специализированных задач. Причем рабочие и солдаты тоже могут подразделяться на разные подвиды.

Муравьи, оказывается, изобрели цивилизацию, за сотни миллионов лет до человека. Они первые изобрели скотоводство – пасут тлю и некоторых гусениц, как люди своих коров. Доят их так же. Только не молоко получают, а сладкий сироп.

Еще они аграрии. Муравьи – жнецы высаживают вокруг своих муравейников сады из злаковых растений и собирают урожай. А тропические муравьи – листорезы на компосте из листьев деревьев выращивают грибы, которыми и питаются.

Начитавшись Халифмана в детстве, я строил искусственные муравейники и заселял в них насекомых. Наблюдал через стекло, как они общаются и выкармливают свое потомство. Я читал и другие книги Халифмана про ос и пчел, дело в том, что осы, пчелы и муравьи – это близкие родственники и произошли от одного предка, и многие из них ведут общественный образ жизни. Вернее, могут объединяться в один суперорганизм.

Мои муравьи, которые сейчас доедали Жердя, рубера и бегунов в отдалении, тоже походили на что-то среднее между осами и муравьями. Они были крупными – размером с осу, черными и блестящими с еле заметными волосками, и еще у них на брюшке проглядывались

темно-желтые, почти незаметные полосы как у ос. И формой тела они больше походили на ос, только стройнее и без крыльев. Хотя на муравейнике крутились несколько крылатых особей – типичные черные осы. Такой вид муравьев мне не встречался ни в жизни, ни в книжках с иллюстрациями. Может это и есть предки всех перепончатокрылых?

Сильно зачесалось на бедре, куда Жердь накануне воткнул нож. Снял грязные в засохшей крови брюки и удивился. Раны не было. Был белый шрам, усаженный черными горошинами по всей длине, через примерно равные промежутки. Присмотрелся: так это головы муравьев, которые впились в края раны своими жвалами и как бы стягивали кожу на манер стежков. Будто умелый хирург зашил рану, но не нитками, а жвалами насекомых.

Я уже давно начал догадываться, что у меня есть какая-то связь с муравьями, и зашитая рана перевела эту догадку в твердую уверенность. Это, наверное, и есть мое скрытое умение, про которое говорила Меда. Только вот в чем оно проявляется? Я что могу передавать свои желания муравьям и заставлять их выполнять эти желания? И я вспомнил, что перед тем, как вырубиться страстно хотел, чтобы на манер муравьев – портных они мне зашили рану.

Понятно, я могу попросить, что-нибудь, а обратная связь есть? Они могут мне передавать свои мысли?

Я решил начать проводить эксперименты:

– Хочу пить. Где мне найти воду? – напрягся я, передавая мысленное послание.

Никакой реакции. Повторил это вслух. Тоже никакого ответа.

Муравьи шныряли вокруг, заходили и уходили с моего тела. Иногда слегка и совсем не больно покусывали мою кожу и было ощущение, что они еще и полизывают меня своими микроскопическими язычками.

Хорошо, попробую так, и я представил себе картинку – как я пью воду, а затем купаюсь в ней.

Сработало! У меня в голове вдруг появился вид всего треугольного стаба, вид сверху. На дальнем конце был жирно выделен овраг и в нем блестела вода. Так вот как с муравейником нужно общаться – картинками. Вспомнил слово – мыслеобраз. Это ведь самый древний способ передачи информации. Наши предки неандертальцы писали сочинения на стенах своих пещер, на тему как мы охотимся на мамонтов, и передавали эти знания своим потомкам. А современные американские писатели создают целые книжки из картинок и называют их комиксами. Теперь понятно. Для того чтобы что-то передать, нужно составить фразу из картинок и муравейник меня поймет. И точно так же читать ответ.

Написал мыслеобразами, – иду купаться.

Поднял грязные штаны и двинулся в сторону оврага.

Овраг начинался с микроскопического родничка, вода из которого сбегала по дну оврага. Двинулся вниз по течению и наткнулся на приличную лужу. В такой можно было и искупаться. Вода была чистая, вкусная и жутко холодная. Я натер все тело мокрой глиной, как мылом, тоже самое сделал со своей одеждой и все это тщательно смыл. Одежду выжал и бодрый здоровый и почти счастливый двинулся обратно к своему дереву, где меня совсем недавно распяли и хотели съесть. Мокрые вещи развешал по кустам и сел есть тушенку, которой осталась всего одна банка. Доел и продолжил общаться с муравейником.

Передал мыслеобраз: заходящее солнце, себя спящего и то что ночью будет холодно. Над словом «холодно» пришлось потрудиться.

Получил ответ: опять карта стаба, но с другим выделенным местом. Подобрал рюкзаки и двинулся туда. В этом месте были нагромождения больших плоских камней или может это были почти разрушенные плиты древнего строения. В месте отметки на мысленной карте был узкий лаз в темноту. Он начинался под двумя сложенными домиком плитами.

С трудом пролез в отверстие, несколько шагов и очутился в скромной по размеру почти круглой камере. Привык к полутьме, свет слегка просачивался через входное отверстие. По

стенам и потолку сновали вездесущие муравьи, а на полу ровным слоем лежал лесной мусор из хвои и мелких веточек.

Достал из одного рюкзака небольшую плащ-палатку, расстелил на полу и лег, укрываясь краем ткани. Хорошо-то как! Живой, здоровый и почти ничего не болит.

Вспомнил Меду, как она там? Вернулась со своего семинара?

Меда давно собиралась на сборище знахарей, где они делились знаниями. Там она собиралась проконсультироваться по поводу моего непонятного умения, информацию по которому она записывала в толстый гроссбух только ей понятными закорючками. Я и специально собрался на свою прогулку в тот момент, когда Меды не было в стабе. Если бы она узнала, что я намереваюсь идти на стандартные кластеры лечить трясучку, то развила бы бурную деятельность. Она бы весь стаб на уши поставила, организовала бы целую экспедицию из охраны, и сама бы во главе колонны пошла, для пущей надежности. Не люблю такое особое внимание к своей персоне, и хочется самому себе доказать, что я тоже что-то могу в этой жизни. Семинар был в соседнем стабе, и она уже должна была со дня на день вернуться. Дай бог, чтобы у неё не было таких приключений. С этими мыслями я и уснул.

Воспоминания. Продолжение

Ехала всю ночь. Встретила группу зараженных, оборванных и страшных. Они выбрались на шум двигателя из-за насыпи вдоль дороги. Мощная машина легко от них оторвалась. Покрытие трассы была разбито так, как будто ее никогда не ремонтировали. В свете фар иногда стали мелькать облезлые указатели «Мины». – Только этого не хватало, – тревожилась Майя.

Из методички она помнила, что ночью ездить опасно и надо пережидать в укрытиях. Но стресс был такой сильный, что она не могла сидеть на месте и тело требовало куда-то бежать или ехать.

На рассвете среди пролесков показалась серая бесконечная стена. Вблизи она оказалась сложена из огромных бетонных блоков. Высота мегалитической стены была с двухэтажный дом. Верх украшали башни с бойницами, из которых торчали и поблескивали стволы.

– Средневековое какое-то. Наверно это и есть стаб Крепостной, – решила Майя. Подъехала к огромным стальным воротам в стене. Из амбразуры справа от них раздалась команда:

– Выйти из машины! Кто такая?

– Майя послушно вышла, подняв на всякий случай руки. Увидев измученную, красивую девушку, охранник подобрешшим голосом задал ей несколько вопросов и ворота со скрипом отъехали в сторону. Майя шагнула за стену.

Охранник отвел ее в добротное низкое здание, в скучный, выкрашенный серой краской кабинет к какому-то Михалычу.

– Михалыч отвечает за безопасность всего стаба, – ранее объяснял по дороге сопровождающий, пожирая ее глазами.

– Похоже здесь мало женщин, – с тревогой думала она.

Михалыч оказался человеком средних лет, с приятной внешностью и улыбкой на лице. Пристальный взгляд серых глаз выдавал профи из спецслужб.

Расспрашивал долго и внимательно, вышагивая по кабинету с руками в карманах и разглядывая Майю со всех сторон. Иногда что-то записывал. Показалось, что слегка рисуется. Необъяснимая легкая неприязнь к нему возникла сразу.

Расспросил про всю биографию, родных, бригаду скорой, которая осталась, где-то в прошлом. Самые неприятные вопросы были про команду Лося, которого Михалыч хорошо знал. Он интересовался, как боевые рейдеры могли погибнуть, а неопытная женщина выжить, да еще и добраться до Крепостного.

– Начали стрелять друг в друга после пьяной ссоры из-за меня, – объяснила Майя. Такой ответ его удовлетворил, а дальше нагнетать подозрения на девушку Михалычу явно не хотелось.

– У нас тут свои порядки, – в конце разговора сказал он.

– Вам надо будет ответить на ряд вопросов ментату. Если ответы будут искренними, то будете свободны.

В кабинет зашел невзрачный человек и сел напротив Майи. Михалыч задал немного вопросов, на которые Майя легко ответила. При этом ментат смотрел на нее совершенно не мигая. Ответами, судя по реакции Михалыча, ментат остался доволен и на этом процедура идентификации закончилась.

Майе показали небольшое двухэтажное здание больницы с двумя квартирами на втором этаже.

– В левой живет местный фельдшер и знахарь, – рассказал сопровождающий.

Другую предоставили Майе. Квартира состояла из одной комнаты, маленькой кухни и санузла. Подошел фельдшер, добродушный полноватый человек по имени Рентген. Он постоянно мурлыкал себе под нос какие-то бодрые песенки и поглядывал на всех слегка снисходи-

тельно. Майе, врачу с классическим образованием, да еще и приятной девушке, он искренне обрадовался.

– Располагайтесь тут, отдыхайте, спрашивайте если что понадобится. Я буду на первом этаже, в больнице. Завтра выходите на работу, введу в курс дела, – сказал он коротко.

На следующий день Рентген показал Майе всю нехитрую больницу. Оборудована нормально была только хирургическая.

– Остальным я и не занимаюсь, терапевты у нас не нужны. Специфика такая. У больных, простите, как у собак, все само быстро заживает, – хмыкнул он, – а вот хирург очень востребован. Будешь мне ассистировать, когда рейдеров начнут привозить. Они часто раны и переломы получают.

Меда, можно я вас так покороче буду называть? – продолжал он. – Я еще и знахарь. Новичкам у нас осмотр положен бесплатно, так что можешь садиться в кресло. Я проверю твой потенциал. Здесь у иммунных в стрессовых ситуациях возникает обычно какая-то способность. Как правило больше одной у человека не бывает. Но есть и обладатели нескольких умений. Некоторым надо подсказывать, каким даром они обладают, помогать теоретически, – он заговорщицки улыбнулся.

Но вторая способность появляется далеко не у всех, – добавил знахарь.

Поводив руками над головой пациентки, он примолк.

– Что не так? – спросила встревоженная Меда.

– Видишь ли, ты нимфа, – сказал он тихо.

– Об этом тебе нельзя никому говорить, но ты знать должна и никогда силой нимфы не пользоваться. В примитивных стабах нимф просто убивает толпа. В относительно цивилизованных, как наш, прогоняют из стаба. А это верная смерть.

– Что значит, нимфа? – испуганно спросила Меда.

– Это значит, что ты имеешь неограниченную власть над мужчинами. Повторяю, никогда не используй свой дар, – говорил он тихим напряженным голосом.

– Конечно. Обещаю! – заверила его ошарашенная Меда.

Еще Рентген объяснил какие препараты и как часто она должна принимать чтобы быть в форме и желательно развивать у себя еще способности. Речь шла о живчике и гороховом растворе.

И потянулись дни, полные новых впечатлений. Работы то не было совсем, то оперировать приходилось сутками. Иногда бригады рейдеров были так потрепаны, что Рентген не успевал сшивать им раны и вправлять переломанные конечности и поручал Майе оперировать самостоятельно.

Кроме хирургии Рентген вел прием иммунных и как знахарь. Информацию о пациенте он записывал вязью из каких-то крючков. К умению знахаря у Рентгена появилась способность после нападения на него в больнице неадекватного рейдера. Знахарскому графическому письму же обучил его предыдущий знахарь.

Время летело незаметно. Через год, проводя очередной осмотр Майи, Рентген удивленно сообщил, что у нее появилась способность знахарки.

– Тебе очень повезло, радовался Рентген, – и мне тоже. Я обучу тебя тонкостям этого искусства.

– Когда все поймешь и освоишь, тогда я с чистой совестью оставлю на тебе больницу с практикой знахаря и перееду в стаб Белый. В Белый меня давно зовут. Им нужен такой специалист, – делился он своими планами.

Муравьиная история

Под утро приснился сложный, и местами не совсем понятный, но очень логичный сон. Мне снилось, что я – муравейник и вспоминаю всю свою прошлую жизнь. В голову ворвалась огромная масса чередующихся фантастических картинок и все это подкреплялось сложной гаммой чувств муравейника, сопровождающих эти мыслеобразы. Проснулся я в холодном поту от ужаса перед надвигающейся катастрофой.

Я понял, что это послание от муравьев и его нужно расшифровать и понять. Сон – это такая штука – если ты хочешь его запомнить, нужно сразу же после пробуждения его как бы заново прокрутить и тогда он отложится в долговременную память. Чем я незамедлительно и занялся, параллельно переводя все это в привычную человеческую терминологию. Рассказ муравейника после такого перевода выглядел примерно так:

Когда муравейник попал в этот мир, то сразу включился в битву за выживание. Очень часто его большие части попадали под перезагрузку кластеров и исчезали.

Не хватало пищи, которая добывалась в основном выпасом тлей на листьях деревьев. Происходили перезагрузки и стада тлей вместе с пастухами-муравьями исчезали.

Муравейник лихорадочно ищет безопасную территорию, расползаются в разные стороны разведчики и наконец он такое место находит. Здесь не появляется неприятный запах. Понятно, что нашел стаб.

Пищи все равно не хватало, потому что стаб маленький и не мог прокормить достаточное количество дойных тлей. Приходилось выводить стада на соседние кластеры, а там это хозяйство регулярно исчезало из-за тех же перезагрузок.

Для решения продовольственной проблемы муравейник переходит на хищнический образ жизни. Начинает убивать крупных животных. В этот момент мне показывали галерею странных животных, среди которых иногда мелькали и знакомые: крупные крокодилы, твари очень похожие на тираннозавров и рапторов. Это же когда было? Сколько же лет этому муравейнику?

Убивать этих зверей было не просто, гибло очень много муравьев-солдат.

У муравейника были и несъедобные противники. Серия картинок с гигантскими мокрицами, какими-то бесформенными черными кляксами и гигантскими опарышами. Этим приходилось убивать, потому что они сами нападали и муравейник защищался.

– Это, наверное, легендарные неназываемые скребберы. Вот это да!

Была еще одна проблема – это войны с такими же муравейниками, как и он. Калейдоскоп картинок со сцепившимися муравьями.

Затем муравейник показал мне кино, про то, как появилось существо, с которым можно разговаривать. Карикатурный горбатый гном с длинным острым носом и такими же длинными заостренными ушами, и красными глазами в черном плаще с капюшоном.

Видно, этот гном обладал таким же умением, как и я. Передалось ощущение, что это очень доброе существо. Он их учил, как можно легко убить съедобных зверей. Последовала череда изображений, напоминающих инструкцию по применению. Черные осы, пробивающие своим жалом припухлость на затылке различных динозавров и череда изображений с инструкцией, как убивать несъедобных животных, осы жалящие в разные части тела мокриц и опарышей.

И еще этот гном научил муравьев, как употреблять сок круглых небольших предметов из голов съедобных существ. Так я истолковал два изображения стоящих кругом муравьев, слизывающих что-то из одного спорана, и такой же кружок муравьев, облизывающих горошину. После того как муравьи стали поглощать эти ингредиенты они стали крупнее и продолжительность их жизни заметно увеличилась.

Этот гном приходил и к другим муравейникам, с которыми моему приходилось регулярно воевать и тоже их учил всем этим великим премудростям. И еще это существо приказало всем муравейникам прекратить междоусобную войну и рассказало, как надо сотрудничать.

Жить стало легче, колонии муравьев процветали и множились. А гном ушел куда-то и больше не вернулся. Несъедобных существ стало гораздо меньше. В этом месте муравейник показал, как мокрицы и опарыши с кляксами растворяются и исчезают. Видно, новые боевые умения муравьев значительно уменьшили количество неназываемых.

Дальше последовала череда мыслеобразов, которая показывала эволюцию животного мира Стикса в течении миллионов лет. Динозавры сменились на крупных хищных птиц, затем те на огромных с короткими мордами медведей. Появлялись и исчезали кошки с жуткими клыками, кабаны размером с бегемота, обросшие шерстью гориллы, и наконец появились люди и то, что из них получается.

И завершалось это кино на печальной и тревожной ноте. Появились люди в противогазах или скафандрах в окружении диковиной техники. Они тянут трубы к муравейнику и пускают желтый газ. В этот момент я от ужаса и проснулся.

Сразу повис вопрос: – Зачем внешники убивают муравьев? Какой от этого прок?

От муравейника тоже передалось недоумение: – Он не знает.

Ладно, разберемся.

Несмотря на то, что ночью мучили кошмары, чувствую себя бодро, хочется двигаться и что-то полезное делать. Вот только перекусить надо. Да вот незадача, вчера последнюю тушенку смолотил. Вышел на улицу и обалдел. Прекрасное утро. Яркое солнышко. Тепло. Кругом щебечут птички и звенят кузнечики. Облачился в высохшую за ночь одежду и уселся возле одной из куч муравейника.

От зараженных и Жердя ничего не осталось. Почти ничего. Муравьи съели почти все, даже хрящи, которыми скрепляются кости. Поэтому наборы белых костей ничем не сочленяясь в скелет лежали ровным слоем в траве. Не видно было только костей рубера, они были сверху завалены пластинами костяной защиты. Рядом с низшими зараженными и Жердем валялась их грязная одежда. Я сформировал мыслеобраз для муравейника, что надо замаскировать последствия вчерашней битвы, и увидел, как у костей зашевелилась земля и останки начали погружаться в грунт.

Послал новое сообщение: – Хочу мол сходить в деревню за едой, но боюсь встретить зараженных. И сразу получил ответ: – Можешь идти, там никого крупного нет и все безопасно. В подтверждение мыслеобраза о безопасности муравейник показал картинку, что везде в деревне и вокруг в деревьях сидят свои муравьи.

Я взял самый крупный рюкзак и весело насвистывая пошел в ту сторону откуда накануне появились спортсмены. В деревне и правда никого не встретил и быстро нашел в центре небольшой сельский магазин. Магазин, как это водится в сельской местности, торговал всем, от еды до обуви с одеждой. Нашел себе спортивный костюм, кеды и всякую другую полезную мелочь. В продуктовом отделе нашел мясные и рыбные консервы, банку с компотом и шоколадные батончики. Засунул в рюкзак пачку рафинированного сахара и заметил в кладовой два пятидесятикилограммовых мешка сахара.

Зачем-то вытащил их на крыльцо магазина и вспорол ножом. Понятно зачем, хочется сделать подарок другу, а может друзьям. Я так и не разобрался их много или он все-таки один.

Добавил в рюкзак несколько бутылок питьевой воды, одну коньяка и побрел обратно к муравьиному стабу. Месяцем раньше я бы такой груз не только поднять, но даже сдвинуть с места не смог бы, а сейчас как молодой мул тащу его на себе, да еще подъем преодолеваю. Все-таки здорово, что я получил второй шанс. Здесь, , опасно и можно погибнуть в любой момент, но зато есть здоровье.

Пришел к злосчастному деревцу, где был вчера привязан, разложил продукты и стал пировать. Пачку с сахаром открыл и пододвинул поближе к муравейнику. От костей не осталось и следа, они провалились туда, где им было и положено лежать. Так что окружающий вид аппетита не портил. К пачке сахара потянулась вереница носильщиков и мне пришел мыслеобраз с благодарностью. В послании было особо подчеркнуто, что это любимое лакомство. Послал ответный мыслеобраз с распоротыми мешками сахара на крыльце магазина. И мне сообщили, что колона фуражиров уже в пути.

После завтрака запил все минеральной водичкой и вспомнил, что я уже давно не употреблял живца и мне почему-то и не хочется. Наверное, эти насекомые, которые ползают по телу и покусывают иногда, передают все что мне нужно через кожу. Задал мысленный вопрос собеседнику:

– А много ли у нас ингредиентов из голов зараженных?

Кстати, я стал употреблять «мы, нас», так как начал чувствовать себя частью этого организма, типа особо крупным муравьем. Муравейник был не против такой формулировки и выдал мыслеобраз ответа. Я увидел трехмерную модель муравейника под землей и себя сверху, для оценки масштаба. Муравейник пронизывал весь стаб на очень приличную глубину, в пару этажей. Бесчисленные ходы и камеры. В нескольких камерах по центру было особенно много насекомых. Они были сцеплены в сплошную массу, держались друг за друга коготками и жвалами и слегка шевелились. Некоторые отцеплялись от этой конструкции и уходили, но приходили другие и вживлялись в эту массу.

Я решил про себя, что это центр управления, мозг муравейника и получил мысленное подтверждение. Но выделено было не это место, рядом было две камеры с большими кучами мелких и блестящих шариков. При приближении этого участка схемы, я рассмотрел, что в меньшей лежат спораны и горох, а в значительно большей – жемчуг. Еще заметил, что из спорановой кучи муравьи иногда тащат кругляшки куда-то, а из жемчуга никто ничего не тащит, а только сверху прогуливаются. Понятно, гном научил спораны и горох употреблять. Только как они не боятся ядовитых волокон? И зачем им нужен жемчуг? Вроде в ночном послании не было ничего про жемчуг. Ответ пришел сразу. Похоже муравейнику уже не надо было вопросы отправлять, он просто слушает мои мысли и отвечает на нужные:

– Мы аккуратно слизываем и растворяем маленькие ингредиенты и не заглатываем волокна, а жемчуг мы не употребляем, а храним так как он просто теплый и приятный.

Я вспомнил рассказы бывалых рейдеров, которые подслушивал в «Веселом Трэйсере» что, когда берешь жемчужину в руки, ощущается приятное тепло и появляется трудно преодолимое желание её проглотить. Не врал оказывается.

Рассмотрел поближе кучу с жемчугом. Много, пару тонн не меньше. Ну да за миллионы лет можно прилично накопить. В основном это были черные жемчужины, одну треть составляли красные и изредка проглядывали абсолютно белые и блестящие, такие же как на любимом ожерелье моей жены. Вот это да! Да тут их тысячи наверное!

Захотелось подержать одну в руке, и тут же увидел на схеме как одно из крупных насекомых схватило и потащило белую жемчужину по проходам в муравейнике.

Через несколько минут из ближайшего отверстия появился носильщик с шариком груза, забрался ко мне на ладонь, положил жемчужину и удалился по своим делам. Я держал в руке это легендарное сокровище, ощущая приятное тепло и желание проглотить его и наконец меня осенило. За обладание этой одной жемчужиной целые многочисленные стабы, если узнают, готовы будут начать полномасштабную войну между собой. А что говорить про целую гору такого добра?

Теперь понятно почему внешники уничтожают такие муравьиные стабы. Они, видно, узнали каким-то образом о пагубной привычке этих коллекционеров хранить несметные богат-

ства. А как это отнять? Очень просто! Закачать ядовитый газ в подземный муравьиный город, а потом спокойно выкопать жемчуг.

Нужно защитить муравейник! Что-то придумать такое, чтобы внешники и их прихлебатели ни за что не узнали про него. Просто удивительно, почему они до сих пор со своих дронов не разглядели эти холмики свежих отвалов земли и муравьиные кучи. И я под эти тревожные мысли проглотил белую жемчужину.

Подготовка к обороне

Ничего не случилось! Не было грома и молний. Не загудели трубы фанфар. Просто в животе на некоторое время стало тепло и приятно. Сбегал к ручью на утренние процедуры. Позавтракал, на десерт вытащил два сникерса и один из них отдал муравьям. От муравейника получил мыслеобраз:

Он, муравейник, занимается очисткой моего организма, а верхняя мертвая кожа мешает это делать. И предлагает мне эту кожу снять.

Верхняя мертвая кожа – это, наверное, одежда. И теперь понятно, почему эти муравьи меня покусывают и лижут, они, наверное, мою старую кожу сдирают. Зачем им это? А может это лечебная процедура?

Получил положительный ответ на этот вопрос.

Постелил плащ-палатку на траве, разделся до трусов и лег загорать. На меня залезло пару сотен насекомых и занялись своим делом. В первый день я еще боролся с желанием инстинктивно смахивать их с себя, но сегодня уже привык и такого желания не возникало. И еще одно наблюдение: чем больше насекомых по мне бегало, тем легче у меня происходило общение с муравейником. Связь лучше.

Вспомнил, как Меда говорила, что у меня это умение еще до Стикса было. Только я не помню, чтобы мне приходилось с муравьями еще там на Земле разговаривать.

Да, делал я стеклянные муравейники по рецепту товарища Халифмана, но мыслями не помню чтобы обменивался. Может и обменивался, только принимал их за свои мысли? Я и сейчас разговариваю с муравьями, как с самим собой.

У меня гораздо лучше получалось общаться с домашними богомолами. Я как-то подобрал на улице большого зеленого богомола. Судя по всему самку, так как она потом отложила на цветок, который стоял на подоконнике, оотеку¹ своих яиц. Весной в мае из этих яиц вылезли маленькие богомольчики. Я их всех выпустил на улицу, а пару штук оставил и сам выкармливал мелкими мушками. К осени из этих козявок выросли огромные зеленые чудовища, которых жена боялась. Я оставил себе самку, самцов держать бесполезно, они пытаются все время удрать. Эта самка отложила яйца и к новому году умерла от старости. И так этот цикл повторялся несколько лет.

Но самое интересное это то, что почему-то у меня получалось находить с ними общий язык. Они меня понимали с полуслова. Я не держал этих насекомых в инсектарии². Они у меня сидели на каком-либо комнатном растении и никуда не убегали. При первой попытке удрать, я им объяснял, что это их дом и не надо никуда ходить. Легко приручал кормиться из рук, даже не использовал пинцета, и легко с первого раза приручал пить воду из чайной ложечки.

Когда я подходил к подоконнику, эти красавицы крутили головой, шевелили передними хватательными лапами, как бы приглашая уделить им внимание. Моей внучке очень нравилось такое мое хобби, и она активно принимала в этом участие. Я не додумался давать насекомым имена, а внучка придумывала красивые девчачьи клички и бывало, о чем-то с ними разговаривала.

Кроме богомолов у меня получалось находить общий язык и с растением. Я хотел украсить свою лоджию и посадил там дикий плющ. Мне хотелось, чтобы плющ равномерно заплёл

¹ Ооте́ка – форма откладки яиц у некоторых моллюсков и насекомых отряда тараканообразных. Представляет собой уложенные в горизонтальном положении в два или более рядов яйца, залитые застывшим пенистым белковым материалом так, что получается капсула.

² Инсектарий – террариум для насекомых.

стены лоджии, а плющ хотел расти в другое место. Так вот я регулярно трогал его листья, обламывал сухие веточки и уговаривал его поменять свое решение и расти в нужную сторону. Через некоторое время я обнаруживал, что он меня послушался и делает то, что я его просил. Конечно, я тогда не придавал этому никакого значения и думал, что это просто совпадения, но сейчас я так уже не думаю.

Ладно это все пустые воспоминания, нужно думать, как сейчас защитить мой муравейник от атаки внешних и нужно очень сильно думать и не только своей головой, но и головами моих новых друзей.

И так я голышом валяюсь на плащ-палатке и подставляю под солнце свои бока. По моему телу ползают здоровенные муравьи. Покусывают и лизут, наверное, они делают микроскопические надрезы и втирают своими хоботками что-то полезное. Слегка щекотно, но терпеть можно. Курортная жизнь. Полная расслабуха. Я совсем не опасаясь нападения зараженных. Во-первых если они сюда попрутся – их обнаружат на дальних подступах. Во-вторых убьют без всякого моего участия. Для существ легко убивающих скреббера какой-то там элитник – сущий пустяк. Кстати, отсюда возникает совсем наивный вопрос, так почему такие всемогущие муравьи совсем беззащитны перед внешниками? Ответ очевиден и прост – внешники в своих герметичных скафандрах абсолютно не уязвимы для жал и жвал муравьев.

Но я не просто так валяюсь и загораю, я работаю. Работаю умственно совместно с большим и сильным другом.

Первое – это маскировка. Нужно скрыть муравьиный стаб от всех следов муравьиной деятельности. Разровнять холмы отвалов грунта, засадить свежую почву из этих отвалов травой и кустарниками. Никаких муравьиных куч не должно быть.

Второе – муравейник нужно перенести на более глубокий уровень. Верхние этажи засыпать грунтом, чтобы на два – три метра от поверхности не было никаких следов муравейника. Оставить только редкие ходы на поверхность. Если внешники, заинтересуются этим местом, то они с трудом смогут обнаружить муравьев.

Третье – нужно создать филиалы или форпосты, не знаю, как это лучше назвать. Заселить все ближайших стабы, не занятые человеком. Там должны быть копии основного муравейника также хорошо замаскированные, с полным набором муравьев солдат, самок, откладывающих яйца и всех типов рабочих. Это позволит сохранить вид, в случае уничтожения основного муравейника.

Четвертое – решить продовольственную проблему. Стада тлей не в состоянии прокормить такую ораву насекомых. Охота на зараженных дело случая и может привлекать внимание людей, что раскроет всю маскировку. Почему бы им не заняться мародеркой магазинов и складов в ближайших перезагружающихся людских поселениях. Ведь сахар и другие углеводные продукты – их любимая пища.

Муравейник оказывается очень внимательно следил за ходом моих мыслей и вставил свои пять копеек:

– Мы не в состоянии сохранить, большое количество сладкого песка под землей, он быстро растворяется и впитывается в грунт от сырости.

Я задумался над этим возражением и вспомнил, что где-то читал и даже по телевизору видел австралийских муравьев, которые могут запасть сладкий сироп впрок. Они изобрели особый вид рабочих муравьев, которые являются хранилищами. Они не двигаются, а висят на потолке своих пещерок прикрепившись крючьями ног и имеют непропорционально раздутые брюшки, заполненные нектаром из тлей. В урожайное время года эти бочки, точнее шарики, наполняют муравьи – пастухи, а в засуху, когда тли не дойдут, расходуют эти запасы. Для муравьев это же обычное дело обмениваться пищей по много раз. Еще вспомнил, что австралийские аборигены называют их земляным виноградом и такие муравьи являются их любимым лакомством.

От муравейника пришёл мысльобраз, что эта идея ему очень нравится, и что я тоже Великий Учитель.

И пятое, самое сложное – нужно заняться самими муравьями, изменить их так, чтобы они могли преодолевать защиту внешников. Я раньше читал и не только у Халифмана, но и у более серьезных ученых, что муравьи и другие общественные перепончатокрылые создают свое разнообразие каст путем разных диет при выкармливании личинок. От того как муравья в детстве кормят зависит в кого он превратится, в солдата с мощными жвалами, рабочего или в крылатое насекомое. А каст у некоторых видов превеликое множество.

Спросил у муравейника, возможно ли создать новые касты и получил подтверждение. Над придумыванием новых каст, которые помогут преодолеть защиту внешников я провел три дня, прерываясь только на сон и еду.

Первое, что пришло в голову, это создать гигантских муравьев с огромными жвалами. Представилось как такой муравей держит в жвалах вчерашнего рубера. Нет, не получится. Возникает вопрос: почему в результате миллионов лет эволюции таких муравьев не получилось? Да все очень просто – это нарушает законы физики. Дело в том, что вес любого организма прямо пропорционален кубу от линейного размера, а сила мышц прямо пропорциональна квадрату этого размера. Легко эта тарабарщина понимается на простом примере. Если взять муравья и увеличить его в два раза, то его вес вырастет в восемь раз – два в степени три, то есть два в кубе. А сила этого муравья увеличится в 4 раза – два в квадрате. Разница существенная. А если муравья увеличить в тысячу раз, то разница будет просто колоссальная.

Я вспомнил голос Дроздова в передаче про животных: «Муравьи самые сильные животные. Они могут переносить груз в двадцать раз тяжелее себя!». И показывают муравья, волокущего здоровенную дохлую гусеницу. Видимо этот Дроздов, прогуливал уроки по математике и физике, иначе бы он такой чуши не говорил. Если сделать муравья размером примерно с собаку, то у такого муравья не хватит сил себя с земли поднять. Ладно, будем считать, что размер насекомых оптимален, и я сосредоточился над придумыванием новых каст с обычными для насекомых размерами.

Все эти придуманные новые касты объединяло только одно свойство – они совсем были не похожи на муравьев. А по форме и функциям сильно различались:

Наземные разведчики – длинноногие, поджарые и быстрые муравьи зеленого цвета, с большими фасеточными глазами. Могут пробежать за короткий срок большое расстояние и сфотографировать в свою память несколько изображений. Зеленый цвет, это для маскировки.

Летающие фуражиры – летающие рабочие муравьи для переноски сахарного песка и других небольших предметов. Таскать сахар пешим путем на большое расстояние слишком долгое занятие. Внешне ничем не отличимы от пчел и шмелей.

Дальние разведчики – почти полная копия крупных стрекоз. Большие крылья и голова – сплошной глаз фотоаппарат с круговым обзором. Могут сутками барражировать на любой высоте и при этом тратить минимум энергии.

Боевые крылатые муравьи – практически ничем не отличающиеся от черных, которые уже имеются в муравейнике, но окраской это осы или шершни. Крупные шершни усилены более длинным и крепким жалом, чтобы пробивать толстую одежду или резину противогаза. Яд у этих муравьев должен различаться по своему воздействию на людей. Большинство крылатых бойцов должны нести смертельный яд, а некоторая часть – парализующий. Парализующий нужен для захвата и последующего допроса языка.

Бомбардировщики – на придумывание этого вида, пришлось потратить больше всего времени. Они должны будут преодолевать защиту скафандров внешников. Перебрали массу вариантов, а сошлись на самом простом. Это будут те же шмели, но в брюшках они должны будут нести значительное количество муравьиной кислоты. Эта кислота должна будет прожигать любой скафандр. Причем состав этой кислоты оставался для меня и муравейника загад-

кой, и мы договорились, что я пойду в людской стаб и попытаюсь достать образец ткани скафандра внешников для экспериментов.

Семинар

В Приозерный прибыли к полдню следующего дня. Караван остановился на большом укатанном участке с внешней стороны поселка. На этой площади располагались торговые ряды, в которых сразу же после прибытия каравана развернулась бойкая торговля.

Меда направилась к женщине с плакатом, на котором было написано одно слово: «Семинар». Оказалось, что в караване ехало еще несколько знахарей. Она вместе с ними уселась в небольшой микроавтобус, который вскоре повез их во внутреннюю крепость.

Меда вспоминала свои предыдущие поездки на аналогичные семинары. На них ее особенно впечатлил великий знахарь Вуду, живая легенда знахарей Улья.

Вуду был всегда внимателен к Меде и дело было не в ее женской красоте. Он сразу почувствовал ее способности нимфы и даже осторожно намекнул ей об этом, дав понять, что секрет останется между ними.

Уже прошло три года, как Майя уехала со скорой помощью из своей прежней жизни и стала Медунницей, а в просторечии – Медой. Женщины в Крепостном, как и в других стабах были наперечет. Несмотря на нездоровое влечение остальных обитателей стаба к малочисленным женщинам вообще, Меда существовала от них отдельно. Жесткий профессионал с яркой необычной внешностью, она казалась окружающим мужчинам недостижимой. Ее даже побаивались.

Семинар знахарей созывался в разных стабах нерегулярно, по мере накопления неотложных вопросов и новой информации. Этими новостями каждый знахарь обязан был делиться с сообществом. Вуду обычно проводил мастер-классы, показывал интересные объекты и способы работы с ними.

Меда не раз задавала себе и коллегам знахарям вопрос – кто финансирует эти мероприятия? И кому это надо? Ведь в Улье нет центрального правительства. Некоторые с сомнением в голосе предполагали, что это Институт и что Вуду возможно сотрудник этого таинственного заведения. Главное, что польза от таких мероприятий для всех жителей Улья была несомненной.

Улучив момент между заседаниями, Меда подобравшись к Вуду, показала ему свои записи биополя Деда, в которых не смогла сама разобраться. Эффект оказался неожиданным. Вуду подскочил как ужаленный и уставился на девушку. А у той возникло ощущение, что этот человек наконец-таки нашел очень важную для себя вещь, которую давно потерял.

– Расскажи мне все пожалуйста – произнес великий знахарь.

– Недавно к нам в стаб попал новичок пожилого возраста. Его Дед зовут. Я не могу разобраться с особенностями картины его биополя. Такое ощущение, что это очень старое умение. Как такое может быть, он же новичок? Потом я совсем не понимаю, что это за умение и как проявляется. Помогите мне пожалуйста.

Меда ожидала, что Вуду вынесет ее записи на общее обозрение и всем расскажет, что это такое и с чем его едят. Такое всегда происходило на семинарах. Он объяснит не только ей, но и всем остальным знахарям этот уникальный случай, но все произошло не так.

– Меда, я тебя хочу попросить никому эти записи не показывать. Я пока сам не совсем понимаю, что это такое, но очень хочу разобраться. Обещаешь?

Меда согласно кивнула головой.

– В ближайшее время, в течении нескольких дней буквально, я обязательно заеду в твой Крепостной. И я тебя очень попрошу никуда из него не отлучаться и этого Деда никуда не выпускать. Он мне очень нужен.

Оставшаяся программа семинара оказалась скомканной. Вуду явно куда-то торопился и быстро исчез.

Возвращение в «Крепостной»

Мое праздное времяпрепровождение в муравьином стабе подошло к концу. Муравьи, которые ползали по моему голому телу постепенно удалились и муравейник сообщил, что я полностью здоров. И правда, я в последний день ощущал какой-то невиданный прилив сил, здоровья и энергии. Еле сдерживал себя, чтобы не бегать, прыгать и кричать от радости.

Кожа стала гладкой и упругой, исчезли все шрамы, а пальцы на ноге полностью отросли. Мышцы налились силой и увеличились в объеме. Как будто каждый день в качалку ходил. Жаль не могу рассмотреть свою физиономию, зеркала нет, а ручей в мелкой ряби и ничего не отражает. А очень хочется увидеть какой я стал красавчик, ладно в Крепостном посмотрю.

Собрал рюкзак: живчик, пару банок тушенки, на пояс повесил клевец и нож Жердя. Карабин Кабана брать не стал. Его рубер погнул и прицел разбит, а вот охотничье ружье Жердя сохранилось. Хотя и не хотелось тащить эту железяку, но взять надо, кто же по Улью без оружия ходит. Можно идти. Нет это не все. Для осуществления моих планов нужны и деньги. Много брать не буду, чтобы не привлечь особого внимания, но взять надо.

Через несколько минут мой заказ был выполнен и на плащ-палатке лежала горка спаранов, с десятков гороха и пять жемчужин. Две черных, две красных и одна белая. Спараны и горох засыпал в небольшой мешочек и кинул в рюкзак, а черные и красные жемчужины засунул в потайной карманчик куртки.

Белую жемчужину решил прятать гораздо надежнее. К ней из муравейника потянулась вереница тружеников, которые принялись выделять изо рта по капельке прозрачной жидкости и наносить ее на белый шарик. Скоро жемчужина была вся покрыта полупрозрачным слоем быстро застывающей жидкости, что-то типа капсулы из мягкого силикона.

Я взял нож и сделал разрез на своем предплечье. Засунул под кожу капсулу с жемчужиной. К ране подбежали три муравья. Два стянули своими жвалами края раны, а третий отсек им головы от туловища. Швы готовы. Теперь жемчужина не растворится в моем организме, а ранка без следа зарубцуется пока буду идти к стабу. С моей теперешней регенерацией это быстро.

Муравейник показал мыслеобраз о том, что на маршруте ничего подозрительного нет и что вся дорога контролируется разведчиками. Нехитрый маршрут от Крепостного до муравьев я запомнил хорошо и двигался быстро и легко. Даже удивился, как быстро появилась передо мной стена укреплений стаба. У железных ворот меня встречали трое вооруженных в камуфляже людей.

– Ты кто? И чего тебе у нас надо?

– Меня Дед зовут. Возвращаюсь домой.

– Какой такой Дед? Что-то я тебя не помню.

– Я у Хряка в Веселом Трейсере уборщиком работаю. Ходил на прогулку трясушку лечить.

– Подожди. Дед из Трейсера вроде постарше был. Клади оружие на землю и два шага назад. У меня насчет тебя особое распоряжение есть от Михалыча.

Я положил берданку на землю, которую тут же подхватил один из военных. Меня завели за ворота и один из охранников повел меня к низкому приземистому зданию у ворот. Я вспомнил, что это штаб охраны правопорядка в стабе, который возглавляет Михалыч и что это здание рейдеры между собой называют Гестапо.

Охранник оставил меня под присмотром дежурного на входе, а сам пошел докладывать начальству. Вскоре появился сам Михалыч в сопровождении двух амбалов. Причем один из амбалов был квазом. Плотно улыбаясь, Михалыч кивнул амбалам, и они меня грубо потащили внутрь конторы.

Завели в комнату, где был стол, несколько стульев возле него и один металлический, привинченный к полу, напротив стола. Еще шкаф с папками для бумаг.

– Допросная, – догадался я. Усадили на железный стул.

– И кто же это у нас? Обыщите, – приказал Михалыч.

Меня рывком подняли со стула и заставили раздеваться, а Михалыч в это время зарылся в мой рюкзак на столе.

Раздеться пришлось совсем, даже трусы снять. Один здоровяк тщательно прощупывал карманы и швы моей одежды, а другой пристегнул меня наручниками к стулу. Из куртки достали жемчуг и ментат-карту, а из рюкзака извлекли мешочек со споранами. Остальные вещи Михалыча не интересовали и были сдвинуты в сторону.

– О! Так у нас в гостях Богатенький Буратино, как я вижу.

– По какому праву вы меня приковали и обыскиваете?

– А по очень простому праву. Ты, падаль, выдаешь себя за другого человека и подозреваешься в убийстве и ограблении.

– Никого я не грабил и не убивал.

– Сейчас разберемся, придет ментат и ты нам все выложишь.

Дверь в кабинет открылась и появился невзрачный мужчина с рыбьим лицом, кивнул всем присутствующим и привычно присел рядом с Михалычем.

– Ну что тут у нас?

– Да вот этот хмырь, – Михалыч кивнул в мою сторону – выдает себя за нашего Деда. Помнишь уборщика в Веселом Трейсере?

– Сейчас разберемся. – Ментат взял мой документ, достал из шкафа тоненькую папку для бумаг, что то там сверил и внимательно посмотрел на меня.

– Это и есть наш Дед. – Подытожил он свои действия.

– Так он на него совсем не похож! Ты посмотри внимательно. Это же пацан, а дед был стариком.

– Михалыч! Ну ты же в Улье живешь. Тут же все меняются. А ментальное поле у него такое же как и было. Это Дед.

– Да меняются! Но не за такой же короткий срок! Ну хорошо, пусть Дед. А сейчас я буду задавать вопросы, а ты слушай.

– Итак, – обратился он ко мне, – где Кабан и Жердь? Ты с ними выходил из стаба?

– Погибли.

– Ты их убил?

– Нет. Их убил зараженный.

– Какой зараженный? Бегун что ли?

– Я не очень разбираюсь в классификации, но думаю, что это был рубер скорее всего.

– Почему он убил двух опытных рейдеров, а тебя зеленого новичка не тронул? – Начал повышать голос Михалыч.

– Не знаю. Это ты сам у него спроси.

– Так что он убил двух человек, а тебя не тронул и просто так ушел? Станный рубер.

– Нет не ушел. Он сдох.

– Почему сдох? Там ещё кто-то был и убил этого рубера?

– Никого из людей кроме нас троих там больше не было. А сдох он, потому что, наверное, отравился, уж очень поганые были у меня компаньоны. Как начал их жрать, так и сдох.

Михалыч перевел свое лицо с недоуменным выражением на ментата. Тот пожал плечами и произнес:

– Говорит правду.

– Откуда у тебя столько жемчуга? В рубере не бывает такого. В их головах от силы одну черную можно найти и то только по большим праздникам. Ты из рубера это наковырял? Или это суперэлитник был? В простом элитнике тоже столько не бывает.

– Я нашел.

– Как нашел? – И Михалыч опять обалдело посмотрел на ментата.

Ментат так же пожал плечами, показывая, что это сущая правда.

– Где нашел?

– В земле.

Ментат снова пожал плечами.

– Слушай, ментат хренов! – Обратился особист уже к своему коллеге, – по-моему ты уже разучился своим даром пользоваться и ни хрена правду от брехни не отличаешь, или ты в заговоре с этим пацаном!

– Полегче, Михалыч! Ты, кажется, палку перегибаешь, – ментат с оскорбленным видом поднялся и пошел на выход.

– И вы валите отсюда. Я сам с ним разберусь. – Приказал Михалыч охранникам и дождавшись, когда мы остались вдвоем полез зачем-то в шкаф.

Из шкафа он достал старинный телефонный аппарат времен Второй Мировой с ручкой, чтобы крутить динамо-машину. Из этого устройства торчали два длинных провода с аккумуляторными клеммами на концах.

– Сейчас я прикреплю один конец к твоим яйцам, а второй к твоему уху, и буду крутить эту ручку всю ночь. Пока ты мне не скажешь, где это место такое, что на земле жемчуг красный валяется.

У меня вспотела спина, и я начал лихорадочно думать, как остановить этого отъявленного садиста. Но тут к моему счастью из-за входной двери раздался шум и приглушенные голоса. Михалыч подскочил к двери и слегка приоткрыл и тут я отчетливо услышал разгневанный голос Медуницы и невнятное бормотание дежурного.

– Ты кто такой, чтобы меня не пускать! Я главный знахарь стаба, член Совета стаба. Ты что хочешь на гауптвахту сесть?

Затем раздался звонкий стук женских каблучков и в кабинет отталкивая Михалыча влетела моя разъяренная добрая волшебница.

– Что тут происходит?

– Медочка, – вдруг жалобно залепетал всемогущий Михалыч. – Тебе сюда нельзя. Я допрашиваю подозреваемого в двойном убийстве.

– Как нельзя? Тебе тоже нужно объяснять, что я такой же заместитель мэра, как и ты. И могу заходить куда угодно и когда мне это угодно. Кто это? – она указала рукой на меня. – Мне доложили, что ты Деда арестовал.

– Этот тип утверждает, что он и есть Дед.

Меда резко подошла и положила руку на мою голову. Через пару секунд глаза ее в изумлении округлились.

– Дед это ты?

Я сидел голый задницей на железном холодном стуле и по-идиотски улыбался. Знахарка повернулась к особисту.

– Я категорически заявляю, что это и есть Дед. Почему его допрашивают без участия ментата. Михалыч, как ты смеешь кого-то допрашивать один? Законов не знаешь?

– Да был уже ментат. Этот тип его задурил и тебя сейчас дурит. У него, наверное, умение такое – дурить ментатов и знахарей.

– Михалыч, нет в Стиксе ни у кого такого умения, и ты это прекрасно знаешь. Если тебе ничего кроме своих больных фантазий ему предъявить нечего, и ты его сейчас же не

отпустишь, я звоню мэру пусть он сам с тобой разбирается, – и Меда потянулась к телефону на столе особиста.

– Ладно, не шуми, – Михалыч взял ключи и принялся отстегивать мои руки с кислой физиономией.

– И вещи ему все верни. Не дай бог рейдеры узнают, что их уже на входе раздевают и грабят, то такой стаб они десятой дорогой обходить будут. Мэр за это тебе точно голову открутит, – продолжала возмущаться знахарка.

Немного любовной лирики

Из конторы Михалыча вышли, когда солнце уже провалилось за горизонт и на небе стали появляться редкие яркие звезды. Светил кровавый полумесяц местной луны. Фантастическая картина. Не перестаю ей удивляться.

Когда отошли метров на сто Меда спросила:

– Дед. Это и правда ты?

– Да, это я, Меда. Только изменился маленько, наверное, даже не знаю как. Я ведь себя до сих пор в зеркале не видел.

– Да, голос твой, – не совсем уверенно продолжила Меда, – Ты куда сейчас?

– Пойду к Хряку. Деньги у меня уже есть. Сниму номер и буду думать, что делать дальше.

– Что-то у меня предчувствие нехорошее. Боюсь, этот чекист просто так не успокоится. Пойдем ко мне в больницу. Переночуешь одну ночь, а завтра будем думать куда тебя устроить в безопасное место.

Я не возражал против такого предложения и двинул вместе со своей попутчицей в сторону больнички.

Больница представляла собой маленькое двухэтажное здание, на первом этаже которого находилась палата для больных, где я уже бывал, и кабинет для приема пациентов. На втором этаже были две небольшие квартиры. В одной жила Меда, а в другой ее заместитель Маша. Я думал меня разместят в больничной палате, но Меда повела на второй этаж.

Квартира была скромная, но уютная и состояла из одной комнаты и кухоньки. Была еще одна закрытая дверь, туалет, наверное. В комнате стояла опрятно заправленная кровать, стол с настольной лампой и несколько книжных полок с медицинской литературой.

Меда бросила мне в руки полотенце и указала на закрытую дверь.

– Пойди ополоснись, и заодно на себя полюбуйся.

Из зеркала на меня смотрела совсем незнакомая физиономия молодого мужчины с недельной, слегка седой щетиной на щеках. А незнакомым лицо выглядело из-за носа. Я в школьном детстве в дворовой драке получил перелом носа и никак себя не представлял с носом правильным, ровным и с небольшой горбинкой. Еще эта странная прическа – помнится в девяностые была такая женская мода. Дамы окрашивали некоторые пряди волос в белый цвет. Вот и у меня цвет волос был стиле той моды. Лицо гладкое, ни морщин, ни старческих бородавок. Вот что белая жемчужина делает! А может это все же муравьи?

Подумал – побриться бы, и полез в душ. Натираться мочалкой с душистым мылом и обливаться теплой водой – это просто волшебное удовольствие.

Переоделся в чистое из рюкзака и вышел в люди. Меда успела накрыть на столе ужин из нескольких, благоухающих свежим хлебом и сыром бутербродов. Дымились две большие чашки и доносился божественный запах хорошего кофе.

Шкала удовольствия, после такого ужина стремительно полезла вверх. Но долго балдеть мне Меда не дала, из нее, как из пулемета посыпались вопросы:

– Ты где был? Что там с тобой случилось? Откуда у тебя так много жемчуга? У тебя проявилось умение? Оно как проявляется?

Она подскочила ко мне и стала водить над головой руками.

– О боже! Ты съел белый жемчуг! Нам такую ауру на семинаре показывали. Ты где его взял?

– Подожди, девочка. Не спеши. Я не могу ответить на все твои вопросы. Дело в том, что я попал в такие обстоятельства, что мне пришлось дать кое-кому подписку о неразглашении не моей тайны. Скоро такие обстоятельства кончатся, и я тебе все подробно расскажу.

– Ладно, рассказывай, что можешь – разочаровано попросила меня Меда.

– Я пошел на кластеры с двумя мутными личностями лечить трясучку. Там в лесу они попытались меня убить, но у них это не получилось. Их самих убил зараженный. Дальше я пожил несколько дней в лесу и сегодня вернулся в стаб. Это все что я имею право рассказать. Пойми, Меда, я тебе не все рассказываю не только потому что кому-то, что-то обещал. Это знать просто смертельно опасно, а я не хочу тебя подвергать опасности.

– И это все что ты можешь мне сказать? Дед, ты понимаешь, что старики вроде тебя попадая в Улей восстанавливают здоровье за пару месяцев. А молодеют и получают внешность сорокалетнего человека только через годы. У тебя рожа смазливового тридцатилетнего юнца и ты ничего не можешь мне сказать?

– Не могу. Прости, Меда, – произнес я со вздохом, – потерпи пожалуйста немного.

– Гад ты, Дед! – и она отправилась куда-то из квартиры.

Через короткое время она притащила, видно из палаты внизу, матрас и горку чистого белья. Бросила в дальний конец комнаты.

– Стелись. И не вздумай ночью ко мне лезть. Убью.

Долго не спалось, я мучился в сомнениях, правильно ли поступаю так с девушкой. И когда уже был на грани сна и яви вдруг услышал тихий шепот.

– Дед, иди ко мне.

Долго упрашивать меня не пришлось.

Проснулся от божественного запаха жаренной ветчины с яичницей. Не кухне скворчало шипело и гремела посуда. Меда услышала мою возню в кровати и прокричала: – Давай мойся и садись завтракать, лежебока!

Поискал что-нибудь острое и нашел скальпель в стакане с карандашами. Видно, она им карандаши точит. В ванной сделал аккуратный разрез на предплечье и вытащил заначку. Избавился от следов крови, обработал ранку спиртом из аптечки и залепил пластырем. Насухо высушил руки и достал жемчужину.

За столом уже завтракала Меда. – Дед ты чего так долго возишься? Я на работу опаздываю. И чего ты так глупо на меня уставился?

– Любуюсь. Ты очень красивая.

– Ешь давай, не отвлекай меня. Не знаю, как Маше в глаза смотреть буду, – кивнула она на стенку соседней квартиры. У нас тут звукоизоляция ни к черту.

– А чего стеснялся! Ты мне нравишься, и я от тебя теперь не отстану. Вот хочу сделать подарок, – и я извлек белый шарик.

– Это что!?

– Мой подарок тебе, белая жемчужина.

В глазах Меды вдруг появились бешеные злые искры, и она заорала:

– Ты что, за секс со мной, жемчугом расплачиваешься? Как с проституткой!

– Меда! Да люблю я тебя! И где ты видела, чтобы с проститутками жемчугом расплачивались? Я женюсь на тебе хочу, да не могу. Женат уже. Я хочу быть с тобой все время. Вместе жить.

Выражение лица девушки изменилось, из глаз брызнули слёзы, и она уткнулась в мою грудь.

– Дурак ты, Дед, – прорвалось сквозь всхлипывания – это твой двойник там на Земле женат. Вернее, твой оригинал, а это ты двойник. Моя копия тоже была замужем. Господи, что я несу. Согласна я!

На работу Меда опоздала на целый час.

Слежка

С утра Михалыч заперся в своем кабинете, и поэтому у его подчиненных была редкая возможность спокойно заниматься работой или личными делами. Никто не донимал их занудным придирами. А Михалыч не находил себе места в четырех стенах, то метался по кругу, то бездумно таращился в потолок, откинувшись в своем кожаном кресле. Он ждал своего тайного осведомителя.

– Как же так могли обмишуриться Кабан и Жердь, которых он нанял по-тихому кокнуть хилого старикашку? Сами сдохли и Деда прибить не смогли. Вроде бы опытные рейдеры были, – терзали такие мысли чекиста.

Наконец в двери поскреблись и в кабинет, осторожно озираясь, вошел худой невысокий человек с непропорционально большими ушами.

– Садись, Ушастый. Докладывай.

Ушастый уже много лет работал на Михалыча и был крепко на крючке. Раньше он был у муров, но на чем-то там облажался, сбежал и Михалыч под угрозой разоблачения эксплуатировал его для слежки за своими врагами. Тем более что у Ушастого это хорошо получалось. У него было умение Стикса – острый слух. И не просто острый слух. Он мог направленно и на большом расстоянии подслушивать, что происходит в конкретном месте.

– Ну в общем Михалыч трахнули твою зазнобу, – лыбясь произнес Ушастый.

– И даже целых два раза.

Михалыч резко выдернул пистолет из кобуры и приставил его к виску Ушастого.

– Если ты, сука, будешь злорадствовать, я тебя выведу во двор и при всех расстреляю. Как раскрытого мной шпиона муров. Ты меня понял?

– Не кипятись Михалыч. Я вовсе не злорадствую, – жалобно заныл шпион.

– Ты мне их болтовню перескажи, а не скрипы кровати.

– Ну там любовь, ляля фафа. Еще медичка его спрашивала – где был, что делал, а он в отмазку ушел. А еще, чуть не забыл, он ей белку скормил и признался, что сам уже съел. Ты представляешь – белку!

– Белую жемчужину?

– Ага.

Михалыч задумался. И как же этот скот ее пронес? Его же обшманили по полной программе. Неужели эти болваны ее прошляпили? Сгною гаденышей!

– Слушай сюда, Ушастый. Если еще кому-нибудь про белку расскажешь, удавлю собственными руками. Понял?

– Да я могила, Михалыч, ты же знаешь.

– Наблюдение за голубками не снимать. Будешь по очереди с Глистом и Шизой за ними ходить. И каждый день мне докладывать. Иди и передай своим друзьям.

После ухода филера Михалыч опять глубоко задумался. Хочется пришить этих гаденышей, а особенно сучку медичку. Но теперь нельзя. Нужно узнать откуда Дед белыми бусинами затаривается. Там, где есть две, должно быть и больше. В скребберах меньше четырех не бывает, даже в самых маленьких. Это все знают.

Оружие

Я тихонько выскользнул из больнички и двинул в сторону магазина под названием «В гостях у Изи». Это Меда посоветовала. Сказала, что там можно купить все что угодно, хоть черта в ступе.

Нашел большой дом с вывеской, спустился в темноватый полуподвал и с удивлением начал глазеть по сторонам. На полках и стеллажах оружие всех видов. Калашы знакомых и в большинстве не знакомых модификаций. Забугорное оружие от пистолетов с винтовками до алебард мечей и луков.

Я никогда не увлекался оружием, да приходилось стрелять в армии из нескольких видов изделий нашей военной промышленности, но не получал особого удовольствия от этого дела. Охоту на дух не переносил и ненавидел всех охотников и браконьеров. Убивать зверушек считал большим преступлением человечества. Но приобрести какой-нибудь ствол было необходимо. Жить в Стиксе без пушки просто неприлично, а выделяться не хотелось.

В глубине магазина заметил движение и двинул туда. За большим столом, заваленным непонятно чем сидел человек с типично одесской внешностью и мило мне улыбался.

– О, и кого я вижу! Неужели ко мне сам Дед пожаловал? Вы сегодня в нашем городе стали знаменитым человеком. О вас все говорят. Какой-то старик вышел за ворота стаба прогуляться, а вернулся молодым, красивым и самое главное богатым. Чтoб я так жил! Вот и сижу, жду вас, бесценный, с самого утра. Чего купить желаете молодой человек?

– Да хотел ствол небольшой.

– Сами знаете что хотите, или мне что-нибудь посоветовать?

– Да хотелось, чтобы бесшумное было, а по убойным параметрам мало чем крупному оружию уступало. Пусть это будет даже выше средней цены.

– Вы служили в армии? – да кивнул я. – Ну тогда вы понимаете, что никакой глушитель не делает огнестрельное оружие бесшумным. Да, конечно, приглушает, но все равно зараженные, с их слухом, за много метров услышать могут. И убойная сила из всех пистолетов и укоротов слабая, а про точность я вообще молчу. Арбалеты и луки, конечно, тише всего, но это же бандуры какие.

– Неужели так все безнадежно?

– Есть один вариант, он по тактико-техническим параметрам вам подходит, но у него есть пара недостатков. Я раньше в магазине эту игрушку на самом видном месте держал. Все интересовались, но не покупали. Я недавно уже решил его поставщику вернуть, зря только место занимает. У меня магазин, а не музей.

– И в чем недостатки этого оружия?

– Первый недостаток – это цена. Я не могу ее опустить ниже той планки, что поставщик установил. Да и какой мне смысл что-то продавать без своей маржи.

– Так сколько?

– Ой, вэй! Подождите торговаться молодой человек. Вы еще товара самого не видели. Сейчас я вам покажу это сокровище.

Изя исчез в глубине подсобных помещений. Оттуда доносилась возня, что-то падало и раздавалось бормотание торговца. Наконец появился Изя с небольшим футляром. Он сдул с него пыль и аккуратно положил на свободный край стола.

– Вот оно, – продавец щелкнул застежками и поднял крышку.

Внутри лежало несколько небольших предметов. Изя взял в руки цилиндр не больше пятидесяти сантиметров в длину и диаметром приблизительно, как труба гранатомета. И на одном конце я заметил маленькое отверстие.

– Вот это, собственно говоря, и есть ствол.

– И кого же можно застрелить из калибра малокалиберной винтовки?

– Подождите молодой человек. Убойная сила зависит не только от калибра, доложу я вам. Убойная сила гораздо сильнее зависит от скорости выпускаемого снаряда и веса этого снаряда.

Продавец вытащил из маленького карманчика футляра черный заостренный цилиндр. Карандаш или толстый гвоздик около семи сантиметров в длину.

– Вот это и есть снаряд. Вот, можете поддержать.

Я почувствовал неожиданно большую тяжесть этого предмета. Следов патрона или капселя не наблюдалось. Это просто длинная пуля.

– Да. Калибр всего пять и шесть миллиметров, но эта тяжелая стрелка летит в десятки раз быстрее звука. Убойная сила больше трех километров. Кстати, это вовсе не огнестрел. Это ЭМИ – электромагнитное оружие. А большая толщина ствола от того, что здесь расположен соленоид, разгоняющий снаряд. Звук выстрела практически нет. И отдачи почти не наблюдается. Вот так, мой бесценный.

– И как же стрелять из этой трубочки? – спросил, пытаясь разглядеть хоть какое-нибудь подобие курка или прицела.

– Подождите, не торопитесь. Я вам все сейчас покажу. – Это магазин на сто выстрелов – Изя взял из футляра предмет чуть короче ствола, но с прямоугольным сечением и с жестом фокусника на арене прищелкнул его к стволу.

Раздался тихий и короткий звук сервомотора и из цилиндра выдвинулись ручка и курок. С левой верхней части вылезла трубка прицела. Нажал на еле заметную кнопчку с обратной стороны ствола и оттуда с характерным звуком выскочил черный изогнутый приклад. Очень удобный с виду.

– Прицел – это не просто прицел, – Изя ткнул пальцем в скромную черную трубочку сбоку. – Это и прибор ночного видения, и целая система наведения. Компьютер с искусственным интеллектом. Сам настраивает зум на нужное увеличение, но можно и вручную его крутить. А самое главное, он не позволяет стрелку практически никогда промахиваться. Система распознавания сначала предлагает стрелку как бы выбрать тип мишеней, подсвечивая разные боевые цели – бронетехнику, людей или мишени в тире. Вы выбираете, нажимая кнопку. А затем при попадании в прицел аналогичного существа или предмета подсвечивает его, предлагая нажать на курок. При спуске вы можете дергать оружие, но оно не сбивается с прицела. Гироскопы надежно удерживают его в нужном положении.

– Кстати, не обязательно и на курок нажимать. Вот если вы, нажимая эту кнопчку, – Изя опять ткнул пальцем куда-то, – переведете в автоматический режим, то эта игрушка сама будет стрелять, когда в прицел будут попадать ваши враги.

– И еще, – Изя протянул мне пушку, – если вы посмотрите в прицел, то как на экране, видите там внизу, видна информация. В каком состоянии находится оружие, сколько в магазине пуль, на сколько выстрелов хватит аккумулятора и еще кое-что. Потом разберетесь

– Фантастика! – вырвалось у меня. – Так в чем же подвох?

– А подвох вот в чем, – Изя отстегнул магазин и повертел им перед моим носом. При этом все выступающие части под звук сервомотора ушли в цилиндр. – Вот в этом магазине, который так же является аккумулятором. Он у меня всего один, полностью заправленный. Есть еще три пульки для тестирования и все. Собственно проблема не в самом магазине, можно было бы обойтись и одним, а в пулях. Их у меня всего сто три штуки. Аккумулятор магазина легко зарядить. Вот два переходника.

Продавец показал на небольшие корпуса с проводами.

– Один от 220 вольт, а второй от постоянного тока 12 вольт. Кстати, я сам сделал прибуду для зарядки от прикуривателя автомобиля. Вот она. И аккумулятор фантастических параметров! На его одном заряде какой-нибудь тесла-мобиль мог бы пару суток без остановок ездить. А мощность пиковых разрядов вообще запредельная.

– Так, где же пули добывать?

– А нигде. Пробовали ксеров подключать, не получается. Вы же знаете, что ксер берет в одну руку патрон, а в другую медный лом, уголь и еще что-то. Короче элементы, из которых состоит патрон. Раз! И там, где был медный лом еще один патрон получается.

– А здесь – никак. Мы не знаем всех составляющих сплава этой пульки. Определили железо, обедненный уран, а остальное определить никак не получается. Технология не нашего времени. Эти пульки только с виду такие простые, а на самом деле там какой-то монокристалл. И при попадании в цель они тоже себя странно ведут. Изгибаются внутри тела, начинают крутиться и такого могут наворотить, что мама не горюй.

– Боюсь спросить. И где же вы такое супер оружие раскопали?

– Так это стронги мне подкинули. Ну они к нам часто в стаб заезжают. Командир у них Беркут. Знаете его? – Я кивнул.

– Так вот, эти стронги пару лет тому назад очень удачно караван внешников в пух и прах расколошматили, а там оказывается очень важный генерал ихний ехал. Вот это и было его оружием.

– Понятно. Так все же сколько стоит эта игрушка?

– Пять пятьсот, – потупил глаза продавец.

– Пять с половиной тысяч споранов? Да прилично.

Я задумался. Это приблизительно красная жемчужина. Если этим чудо ружьем сделать сто три дырки в элитнике он наверняка издохнет, а в его башке может быть больше, чем один красный шарик. На лицо выгода.

Я достал красную жемчужину показал продавцу и заявил:

– Вот этот шарик и больше ни спорана.

– Вы меня просто грабите, молодой человек.

Изя горестно почесал лысину, и мы ударили по рукам. То, как легко он сбавил цену, меня как-то озадачило. А не лопух ли я? Впрочем, чего мелочится, у меня этого жемчуга куры не клюют.

– Чуть не забыл! – торопливо заговорил Изя, – Вот инструкция на непонятном языке, но там по картинкам легко разобраться.

– А это, – продавец потянул за небольшую скобу в задней части цилиндра, и оттуда вытянулся ремешок, – вешаете на плечо, а этим застегиваете вокруг пояса и получается, что его удобно носить под левой рукой и под пиджаком не видно.

– Может еще что-нибудь более солидное купите? – продавец показал на развешанные кругом автоматы. Гулять, так гулять!

– Более солидное? Да, пожалуй, куплю. Мне дом нужен.

– Какой дом? – опешил Изя.

Жилой. Хочу в своем доме жить.

–А! – наконец догадался продавец. – Это вы правильно зашли молодой человек. Я лучший риэлтер этой области улья.

Три месяца спустя.

Я сижу на веранде своего дома и жду Меду. Она должна с минуты на минуты прийти с работы из своей больницы. В руках чашка горячего кофе.

Мой с Медой домик находится в глубине небольшого садового участка, окруженного двухметровой кирпичной стеной. На участке сплошная зелень. Травка, цветы и несколько плодовых деревьев. Заходящее солнце приятно ласкает кожу, над цветами порхают бабочки и жужжат пчелы. Идиллия внутри человеческой крепости под названием стаб Крепостной. Сажу и мысленно подвожу итоги сделанным делам и намечаю дела на будущее.

Громко сказано «дела». Потому что физически, с тех пор как устроился в собственном жилище, я ничего не делаю. Не хожу на охоту за спорами, не езжу мародерить магазины загружающихся поселков и не тружусь на благо стаба. Меда регулярно бездельником обзывает. Люди на Земле и здесь в Стиксе работают, чтобы зарабатывать деньги. А мне этого не надо. Денег у меня много. Много потому, что я член большой муравьиной семьи, которая накопила неслыханные богатства за миллионы лет своего существования. И хорошо, что окружающие ничего не знают об этом, а то бы уже пытались в каком-нибудь застенке с предложением поделиться.

С моим муравейником тоже все в порядке. Он разросся и занимает около десятка стабов, причем два крупных по несколько километров в диаметре. Уже выращено достаточно много насекомых из новых каст, чтобы начать войну с врагами. А враги мои, как и всего муравейника, это внешники и их прихлебатели мур. Это они уничтожили все другие муравьиные семьи и поставили на грань уничтожения наш вид.

Осталось решить только одну проблему. Муравейнику так и не удалось синтезировать кислоту, разрушающую скафандры внешников. Кое-что получилось, такая кислота уже есть, но не получается ее сохранить в теле муравья бомбардировщика. Она разъедает насекомое изнутри и донести этот груз до врага невозможно.

Скафандр внешника, скорее то что от него осталось, я при помощи моего приятеля Изи достал для экспериментов. И работы по созданию такого оружия продолжаются. Подготовлен и альтернативный вариант. Уже производится особая жидкая и клейкая субстанция, которую можно заправлять в боевых насекомых. Она горит с очень высокой температурой и ее ничем не возможно потушить. Аналог – Греческий Огонь¹.

Есть еще один компонент. Это жидкость, которая при соприкосновении с воздухом самовоспламеняется через некоторое время. Применение этих сиропов выглядит так:

Сначала бомбардировщики хорошенько заляпывают противника первой компонентой и когда ее будет на враге достаточно много, подлетает насекомое с каплей второй компоненты и враг сжигается. Просто и эффективно, так можно бороться и с бронетехникой, сжигая танки и бронетранспортеры. Вот за такие идеи я и получаю свои спораны. Муравейник называет меня Великим Учителем, а я скромно считаю себя военным советником.

С кислотой тоже уже начало что-то получаться, я подкинул для этого одну идейку. Вот проведем испытания и если все пройдет нормально немного поднакопим силы и сметем нечисть из нашего региона.

Скрипнула калитка и по дорожке застучали каблучки моей любимой. Только что-то у неё случилось, наверное. Не улыбается. Лицо озабоченное.

– Дед! У меня серьезный разговор к тебе. И прекрати пожалуйста так дебилно улыбаться.

– Я слушаю тебя внимательно, моя дорогая. – пытаюсь чмокнуть девушку в щеку.

¹ Греческий Огонь – горячая смесь, применявшаяся в военных целях во времена Средневековья.

- Я сделала одну большую ошибку, когда послушала тебя.
 - Какую такую ошибку?
 - Помнишь ты меня уговорил съесть свой подарок. Я не хотела, а ты уговорил.
 - Ну и что здесь плохого?
 - Я беременна.
 - Ну ни фиги себе! Я скоро стану папой?!– и я полез целоваться.
 - Дурак! Отстань! Ты понимаешь, что мне придется сделать аборт?
 - Зачем аборт? Я хочу маленькую девочку или мальчика.
 - Ты хочешь, чтобы эта девочка или мальчик пытались тебя сожрать, когда наберут пятнадцать килограмм веса? А белой жемчужины у меня уже нет, чтобы обезопаситься от этого.
 - Фу ты. – Облегченно выдохнул. – Успокойся все, что надо у нас уже есть.
 - Как? У тебя есть еще одна белка?
 - Ну прямо сейчас с собой нет, но достать не проблема.
- Дальше слезы, объятия. Я повел Меду в дом успокаивать и готовить праздничный ужин.

Обрубает концы

Михалыч лежал на чердаке трехэтажного дома и внимательно смотрел в окуляры восьми-кратного армейского бинокля через небольшое слуховое окно. Здесь был оборудован наблюдательный пункт за домом Меды и Деда.

В этом наблюдательном пункте под вечер обычно сидел один Ушастый и подслушивал разговоры парочки. Супруги в конце рабочего времени всегда в одно и то же время садились ужинать на веранду и болтали между собой.

Михалыч очень надеялся, что Дед рано или поздно выложит информацию о том, где он достает жемчуг. Тем более он это обещал медичке. Такой разговор в свое время Ушастый подслушал. Сегодня предчувствие чекиста подтолкнуло его составить компанию шпиону. И как оказалось – не зря.

Михалыч пытался узнать тайну Деда и другим путем. Он знал, что тот регулярно раз в неделю в одиночку уходит из стаба. Куда и зачем – не рассказывает. На воротах сообщает, что любит прогуливаться и валит куда-то в лес.

Как-то чекист нанял специалиста, чтобы проследить тайный маршрут. Специалист обладал умением Стикса ставить на человека никому не видимую метку и потом чувствовать направление, где она находится. Ну вот он незаметно отерся где-то о Деда и последовал за ним на значительном расстоянии, когда тот пошел прогуливаться.

Кончилось все неудачно. Внезапно специалиста вдруг парализовало. Он свалился на землю и не мог двигаться. Не мог пошевелить ни конечностями, ни языком. Потом появился улыбающийся Дед и весело смеясь объяснил, что он любит гулять в одиночку и нечего шлаться за ним. Затем он ушел, а специалист оклемался через десяток минут и в страхе рванул в стаб докладывать Михалычу.

Что за умения такие у этого выскочки? – с неприязнью задумался особист.

Размышления Михалыча прервало появление знахарки, и он начал внимательно наблюдать. Разыгрывалась какая-то трагикомедия со слезами и поцелуями и ничего нельзя было понять. Но Михалыч не переживал. Ушастый то и дело поворачивал то одно то другое ухо к окошку и внимательно слушал, иногда что-то записывая в тетрадку.

Когда представление закончилось, и парочка перебралась во внутрь дома, Михалыч повернулся к Ушастому с вопросительным выражением лица.

– Значит так, Михалыч, докторша забеременела и захотела сделать аборт. А Дед пообещал ей еще одну белку и отговорил.

– Это все? – спросил особист и, получив утвердительный кивок, резко выхватил нож и вскрыл горло Ушастому.

Жаль полезный был человек, но слишком много узнал за последнее время, подумал Михалыч наблюдая агонию шпиона. А с такими знаниями в живых оставлять никак нельзя.

Теперь нужно подготовиться и действовать. Захватывать Деда не имеет смысла, может не расколоться, да и опасен гаденыш. Неизвестно, что он еще может вытворять. А через его беременную сучку можно с гарантией выбить из этого голубка и не одну белку. Михалыч свои чекистским нутром чувствовал, что у Деда есть еще.

Нежданные гости

После уходы Меды на работу, я решил слегка прогуляться. Зайти к Изе, узнать последние городские сплетни. Чего-нибудь прикупить из мелочей. Может выпить кофе, где-нибудь или кружечку пенного.

Многие обитатели стаба меня уже знали и здоровались, я тоже им отвечал и когда уже подруливал к дому, находясь у пивного паба, увидел странную процессию. По улице со стороны ворот стаба в сторону мэрии двигалась колонна из трех абсолютно одинаковых автомобилей. Широкие корпуса, обтекаемая и приземистая форма, черная лакированная окраска без малейших царапин и широкие колеса. На них не было даже намёка на окна или двери. Не было ничего, чтобы торчало или выглядывало из под днища. Эдакие громадные черные жуки. Звук моторов тоже не было, только шуршание гальки под колесами. При этом подсознательно ощущалась хищная мощь этих транспортных средств.

Прохожие останавливались и удивленно глазели на эту колонну. Из паба тоже вышло несколько человек, некоторые с недопитыми кружками в руках. Один из них, узнав меня, сделал приглашающий жест.

– Дед, привет! Пойдем пива попьем.

– Привет, Беркут! – узнал я его и присоединился к компании.

Уселись за стол. Беркут сделал жест в сторону бармена и передо мной оказалась кружка светлого не фильтрованного. Беркут был с двумя своими замами, такими же здоровыми и бородастыми под стать командиру.

– Что это было?

– А ты не знаешь? Это только институтские на таких БРДМах разъезжают.

– Так это БРДМы?

– Да. Только из двадцать второго или двадцать третьего века. Нам бы так жить.

Беркут чокнулся со мной кружками допил свою и показал бармену, мол тащи еще.

– Дед, ты ведь знаешь, что по стабу ездить на военной технике запрещено всем кроме безопасников. А эти крутые. Как у себя дома. Прямо к двери мэра.

– Нам бы одну такую – вздохнул зам Беркута по имени Стрелок.

– Нам бы хоть какую – добавил Самбист, другой зам.

– Что-то на боевые машины они мало похожи, – усомнился я – ни пушек, ни пулеметов.

– Ты просто не представляешь какие боевые модули из них могут выдвигаться. Такая хреновина может разнести целую колонну танков, не получив ни одной царапины. Да и поцарапать ее не каждая элита сможет. Суперсплавы из титана и еще чего-то. Все на автоматике и телеметрии.

– А вы какой судьбой в нашем стабе?

– Да прибарахлиться хотели. У нас людей полный комплект, а ездить не на чем. Набиваемся в оставшиеся бронетранспортеры, как селедки в бочку. Хотели пару БТР прикупить у стаба. Знаем, что у ваших безопасников лишние есть, так Михалыч скотина уперся и все. Ни за какие деньги не хочет отдавать. А мэр тряпка, во всем ему потакает.

Тут к нашему столу шустро подбежал парнишка официант с кнопчным телефоном на длинном шнуре.

– Дед! С вами мэр хочет поговорить.

– Я Дед. Слушаю, – отставил немного трубку от уха, чтобы разговор могли слышать стронги.

– Товарищ Дед, – послышался голос Мэра – тут к нам гости из Института приехали, требуют вас, хотят поговорить. Двигайте ко мне побыстрее.

Я мгновенно догадался, зачем и кому я нужен, но мне совсем не хотелось встречаться с этими людьми на чужой территории.

– Господин мэр, вы, наверное, не в курсе, что я не являюсь сотрудником вашей администрации. И не собираюсь бежать на ковер по первому вашему вызову. А если кому-то хочется поговорить со мной, то пусть он приходит и стучится в мою калитку. Дома я буду минут через двадцать. И еще, я больше трех за один раз не принимаю, у меня стульев мало.

Мэр что-то еще пытался произнести из телефона, но я положил трубку и вручил телефон официанту.

– Извините парни, дела – пожал я руки слегка оторопевшим беркутам и не спеша двинул к выходу.

Выставил на веранду чашки и разогретый чайник, добавил пару стульев к имеющемуся. Налил себе чашку и, завалившись в плетенное кресло, принялся ждать. Через несколько минут в калитку, безо всякого стука вошло трое человек и направились ко мне. Не протягивая рук для рукопожатия, уселись и уставились на меня.

Один был в костюме, типа интеллигент, а двое других – в дорогой военной форме темного защитного цвета. В их движениях сквозила скрытая сила ветеранов Улья и нагловатая самоуверенность. Ну да, правильно, они пришли к борзому новичку и как еще себя с ним вести.

Один военный сделал еле уловимое движение рукой и звук словно отключили. Исчезли шумы с улиц стаба и стало тихо, как в могиле.

– Мы приняли меры, чтобы нас больше никто не слышал. Разговор будет секретный. – Произнес гражданский.

– Меня зовут Вуду, вы, наверное, обо мне слышали?

– А! Вы тот знахарь, который ведет курсы повышения квалификации для неопытных коллег?

– Не совсем так. Я заведующий лабораторией института по изучению проявлений ментального поля Стикса, а знахарей мы привлекаем для изучения необычных проявлений поля Стикса, по-вашему, умений.

Я кивнул и вопросительно взглянул на военных, но те не стали представляться.

– Мы знаем кто вы – продолжил Вуду – знаем ваше умение и знаем, что у вас есть контакт с муравьями. И мы пришли к вам сделать предложение, от которого вам будет трудно отказаться.

Я кивнул, всем видом показывая, что буду очень внимательным.

– Вы – новичок в Стиксе и поэтому вам трудно представить, с каким явлением связались и каким опасностям себя подвергаете. А наш Институт занимается изучением этих насекомых очень давно и накопил немалый опыт. Несколько лет назад мы трагическим образом потеряли такой объект и сотрудника с вашим умением и поэтому исследования не были завершены. Подвели смежники. Потом пришлось долго искать этот вид перепончатокрылых для продолжения наших работ. И вот наконец-таки мы нашли.

– Извините! – перебил я, и – а какая цель этих исследований?

– Цель всех исследований Института направлены на благо человечества. И наша задача взять под контроль и направить возможности этого и других аналогичных объектов на выполнение этой цели.

– Так что вы мне предлагаете?

– Мы предлагаем вам стать сотрудником Института. Переехать и перевести семью в стаб Института. А перед этим вы поможете нам перенести объект для исследования поближе к нашим лабораториям. Получите интересную и безопасную жизнь, а также интересную работу.

– А если я откажусь?

– Ну вы же взрослый человек и прекрасно понимаете, что вся эта информация чрезвычайно секретна.

– Короче! – я опять перебил этого ученого, – Вы меня в случае отказа просто грохнете? И выбора у меня просто нет?

– Ну вы же благоразумный человек.

Я изобразил на своем лице нерешительность и усиленную работу мозга. Сделал паузу типа задумался и задал вопрос:

– А почему вы решили, что я общаюсь с муравьями?

– Ну это же очевидно, с вашим то умением.

– А вдруг я общаюсь со стрекозами?

Я распрямил ладонь и на нее откуда-то сверху спикировала здоровенная стрекоза с синим брюшком, развернулась в сторону моих собеседников и уставилась на них своими огромными фасеточными глазами.

Лица ученых приняли обалделое выражение. Один из военных даже рот открыл.

– Этого не может быть! – на фальцет перешел Вуду – Стрекозы не общественные насекомые. У них не может быть разума. Прекратите свои фокусы, Дед!

Один из военных наконец-таки ожил и произнес, повернувшись к гражданскому: – Это не иллюзия, Шеф! Это настоящее насекомое.

– А осы? – продолжил я, и на вторую ладонь плюхнулся приличный шершень в яркую черно-желтую полоску и тоже развернулся головой в сторону посетителей.

– Может шмели?

И на стол прямо перед гостями уселось три мохнатых желто-черных шмеля. И тоже развернулись, как по команде. А я продолжил, постепенно повышая громкость голоса и добавляя в него немного негодования:

– Господа! Вы сделали одну маленькую ошибку. Вы забыли постучать в мою калитку.

Над головами гостей вдруг завертелся вихрь из нескольких десятков маленьких ос. Лица троих приобрели землянистый оттенок, а у Вуду выступили крупные капли пота на лбу. Я физически почувствовал, что они здорово боятся.

– Вы не только не постучались в мою калитку, но вы и забыли сказать «здравствуйте»! Не представились, а нагло, без разрешения уселись на моей веранде и стали гнуть передо мной пальцы!

– Ну да, я понимаю, вы решили, что перед вами сидит нулевой новичок и вам, интеллигентам из Института в падлу демонстрировать свое воспитание. Кстати, то, что я новичок вы не ошиблись, но вы сейчас разговариваете не с ним, а с объектом, который хотите якобы исследовать. Я этот объект и разговариваю с вами устами человека по имени Дед.

Мои собеседники окончательно онемели, а я наслаждался моментом.

– Хотите я вам расскажу, как на самом деле происходили взаимоотношения муравьиных семей с Институтом?

Все трое синхронно закивали головами.

– Это несколько отличается от той версии, что вы мне рассказали. Вы слышали легенду о Великом Учителе?

– Да, покойный специалист ее расшифровал.

– Так вот, около ста миллионов лет тому назад, к муравьям пришел гуманоид, который научил муравейники убивать ваших страшных неназванных и вытряхивать из них белые активаторы ментального поля Стикса. Так вы называете белый жемчуг в институте?

И не ожидая ответа продолжил:

– Так вот после ухода Великого Учителя муравейники продолжали искать такого же человекообразного чтобы опять продолжить сотрудничество. Поэтому мы не жрали вас людей, а вы воспользовались нашей наивностью. Вы не задавались никогда вопросом, почему существо способное уничтожить десяток скребберов за раз, не снесет под ноль все ваши стабы вместе с Институтом к чертовой матери?

– Вы узнали, что муравьи коллекционируют жемчуг? Ну конечно узнали, вы же ученые и работаете на благо человечества. Так вот, ваш Институт зассал сам идти на грабеж и поэтому привлек смежников. Внешников, которые это любимое человечество разделяют как скот в бойне на органы. Ну типа пусть за долю, но безопасно и чужими руками. Но произошел сбой, смежники вас кинули. Эксперименты их не интересовали, и они все разведанные вами муравейники траванули газом. А добро взяли себе не поделившись. Правильно я рассказываю?

Я сделал значительную паузу и нагло уставился на матерых ветеранов Улья.

– А теперь вы предлагаете этому человеку, которого мы тоже зовем Великим Учителем, предать своих друзей. Выгрести добро, а муравьев посадить в аквариум и проводить свои гуманные эксперименты. Типа тыкать в них электродами и разделять, как ваши друзья внешники разделяют любимое вами человечество. И мало того, вы угрожаете Великому Учителю смертью!

Пот полился уже и со лбов бравых вояк.

– Так вот предупреждаю, что если у вас это получится и вы сможете убить Деда, то у Института не будет выбора. Мы сравняем ваш стаб с землей, и будем вылавливать всех ученых по всему Стиксу и употреблять в пищу.

Я опять сделал драматическую паузу, развалился в кресле и сделал миролюбивое лицо.

– Муравьи в отличие от людей не такие злопамятные. Мы забудем ваши ошибки и готовы на сотрудничество, если вы готовы это делать на равноправных условиях.

Все насекомые, как по команде, разлетелись в разные стороны и исчезли из поля зрения. И только слепой бы не заметил, как облегченно выдохнули мои собеседники.

– Если ваше начальство будет иметь для меня какие-либо интересные предложения, то я готов продолжать переговоры. Только не забудьте в этот следующий раз постучать в мою калитку.

И я сделал жест означающий, что они свободны.

В этот же день институтские автомобили исчезли из стаба.

Клоун

После ухода гостей я остался в своем кресле на веранде. Анализировал итоги переговоров и был крайне собой недоволен. Вел себя как пацан семнадцатилетний! Пальцы гнул, понты колотил, блефовал с шестерками на руках. Короче пугал опытных волков, которые движением ладони могли бы прихлопнуть, как нахальную муху. У этих типов боевых умений у каждого, как у меня пальцев на руках и ногах.

Эти переговоры очень напоминали бандитские разборки девяностых. Приехала братва бизнес делить, а я, блин, – другая банда, их пугать стал. Интересно, а напугал ли? Судя по реакции, напугал, только на сколько долго?

И еще зомби изображал: «Моими устами с вами говорит муравейник». Тьфу стыд, старый же человек, а как помолодел внешне, так и поглупел. Хотя как мудрее можно было бы разговаривать, с людьми пришедшими отжимать Муравейник, я придумать не смог.

Один результат этих переговоров уже есть, тайна муравейника раскрыта. В фильме про Штирлица папаша Мюллер говаривал: – "То, что знают двое, знает и свинья", а тут целый Институт знает. Хорошо, что завтра будут последние испытания новых боевых навыков муравьев. Теперь нас так просто голыми руками не победить.

По плиткам дорожки сада застучала каблуками Меда.

– Ты чего такой хмурый? А стульев зачем столько наставил? Гостей ждешь?

– Нет, не жду. Были уже.

– Я переоденусь, ужинать рано, давай чаю просто попьем. Тащи печенье, варенье.

Пока я возился с чаем, показалась Меда и, захватив свою чашку, начала меня расспрашивать:

– Рассказывай, кто к тебе в гости ходит пока жены дома нет. Надеюсь, не те девки, с которыми ты в Веселом Трэйсере работал?

– Меда, на самом деле это долгая тема. Я сейчас тебе буду все рассказывать.

Меда начала со страхом отгонять назойливую осу от плошки с вареньем:

– Дед! Ты здесь столько насекомых развел, что уже и посидеть спокойно невозможно. Нужно дихлофос купить.

– Чем тебе оса помешала?

– Я не об осах. У нас дома, кажется, тараканы завелись. Причем в гостиной возле дивана крутятся, где ты книжки читаешь. И такие хитрые, как зайду, они шмыг под мебель и не видно. Ты завтра купи дихлофос и протрави дом, пока я на работе.

– Меда! Это не тараканы. Вот сядь спокойно, помолчи и я тебе покажу.

Девушка села и весело уставилась на меня, ожидая какой-нибудь фокус. И фокус произошел. По ножке стола на столешницу колонной вышли муравьи и начали строиться в замысловатую фигуру.

Меда взвизгнула и вслух по слогам прочла написанное телами муравьев: – «Медуница».

– У тебя такое прикольное умение оказывается, Повелитель Муравьев и Тараканов. А я у тебя вчера, когда ты обниматься лез, еще одно прикольное умение обнаружила.

– Как ты посмела в голову пациента залезть без его разрешения? Это же нарушение врачебной этики.

– Ты тоже кой-куда залез и тоже разрешения не спрашивал.

– Ох, Меда, не заводи меня, какое еще умение?

– Его люди по-разному называют: мимикрия, иллюзия, а людей с этим умением фокусниками, иллюзионистами. Дед, тебе с такими умениями только в цирке выступать. Тебе даже гримироваться не надо. Раз, и ты клоун. Представляешь вывеска «Дед с дрессированными

тараканами». А сверху я буду по канату ходить в тоненьких стрингах. Наши рейдеры даже бухать перестанут, придут смотреть.

– Боюсь они на меня смотреть не будут, только вверх, на стринги.

– Дед, ну превратись в кого-нибудь, ну в Мэра например?

– А как?

– Представь кого-нибудь или что-нибудь, что ты хорошо знаешь, и пожелай превратиться.

Я напрягся и превратился. Понял это когда посмотрел вниз. Увидел край платья и голые женские ноги в тапочках.

– Ух ты! А походи немного, покрутись.

Я начал изображать развратную походку, крутя тазом.

– Какие у меня ножки сзади оказывается красивые! А я не понимала почему мужики на мою задницу так тарашатся. Все Дед, превращайся обратно, садись и давай все рассказывай – сказала Меда уже с серьезным лицом.

– А мне понравилось в тебя превращаться. Завтра в женскую баню пойду. – И получил затрещину.

Рассказывал я весь вечер до темноты и закончил тем, что завтра утром ухожу на два дня. Буду проводить военные учения. И уже когда лежали в постели, Меда спросила:

– Можно я завтра пойду с тобой?

– А почему бы нет?

– Тогда с утра звоню Маше, что беру отгул на два дня.

Туристы

В поход мы не пошли, а поехали. Дед достал из подсобки два крепких горных велосипеда, прикрутили к багажникам свои рюкзаки и тронулись в путь. У Меда сначала плохо получалось, два раза чуть не сверзилась, практики было мало, но уже у ворот стаба она ехала уверенно. После рва и расчищенной полосы с надписями «Мины» вдоль дороги потянулись леса с небольшим прогалинами и полянами. Хвойные породы сменялись лиственными, а затем опять хвойными.

Меда чувствовала себя неуверенно. Озиралась по сторонам. Правая рука иногда тянулась к поясу, где висела кобура пистолета. Дед же вел себя абсолютно беззаботно излишне громко шутил и болтал. Испуганную девушку это сначала раздражало, а потом она все-таки осознала, что дед контролирует маршрут и расслабилась.

Проехали обгорелый остов бронетранспортера и когда удалились от него на километр Дед предложил:

– Меда, хочешь стрельнуть из моей пушки?

– Ты эту пукалку пушкой называешь? Ну давай постреляем, да и привал пора сделать.

Что-то я с непривычки притомилась.

Перекусили бутербродами с сыром, запили живчиком, и дед начал показывать.

– Вот сюда смотришь, кнопкой фиксируешь цель, и когда вокруг цели появится красный контур, нажимаешь на курок.

Веда посмотрела на цель – бронетранспортер:

– Далеко, еле видно, не попаду, наверное.

Уперла приклад в плечо, глянула в прицел и удивилась. У этой несерьезной трубочки оказалась великолепная оптика – БТР как в тире, отлично просматривался. Сделала, как показал Дед, нажала на курок и увидела в прицел как на башне броневики образовалась приличная дыра и до ушей донесся характерный звук удара по железу. Отдачи и звука выстрела почти не было.

– Дед! Я тоже такую хочу. Подаришь на день рождения?

– Могу свою подарить, другой такой нету, – сказал Дед и отобрал игрушку.

Сделал, почти не целясь выстрел в сторону БТР и у того отлетела пушка, торчащая из башни.

– Эх жалко патронов маловато. Придется скоро эту игрушку не дарить, а выбрасывать.

И когда уже начали собираться, чтобы продолжить путь, Дед поднял руку, чтобы Меда замолчала, к чему-то прислушался и спросил:

– Меда хочешь перезагрузку кластера посмотреть? Это по пути, недалеко будет.

– А это не опасно?

– Думаю не опасно. Кластер лесной, там никого не должно быть.

Проехали с пол километра и приготовились смотреть чудо Стикса. Вскоре впереди на небольшом расстоянии лес начал блекнуть и белеть. Постепенно растворяясь в мутном тумане. Туман в сторону путешественников не расползлся и появилось ощущение, что они стоят перед стеклом огромного аквариума, в котором вода стремительно мутнеет. Потянуло не сильным кислым запахом. И когда деревьев в аквариуме стало совсем не видно, сверкнуло несколько беззвучных электрических разрядов и туман стал рассеиваться.

Неожиданно из тумана вынырнуло несколько человек, а за ними еще. Меда от страха аж присела, а Дед мгновенно взвел свою пушку в боевое положение. А люди продолжали выныривать из тумана и идти мимо них нестройной вереницей.

Это были подростки, скорее всего школьники. За плечами рюкзаки. Они весело болтали, смеялись, некоторые держали в руках мобильники и старательно тыкали в них пальцами. Видимо играли, а может пытались позвонить маме или разыскать сеть.

– Вы кто такие? – Крикнул Дед.

– Мы – девятый «Б» класс, идем в поход. Дядя, а вы в пейнтбол играете? – отозвался долговязый парень ломающимся подростковым голосом, поглядывая на игрушку Деда.

Меда, как ошпаренная, подскочила к своему рюкзаку на багажнике, лихорадочно разыскала стопку брошюр и рванула к детям. Детвора окружила эту странную тетю, которая пыталась им что-то взволновано втолковать, толкались и баловались, а долговязый стоя за спиной Меда крутил пальцем у виска.

Потом они двинулись прежним курсом. Меда пыталась их остановить, но они вырывались и отбегали.

– Меда, прекрати! Это бесполезно, – крикнул Дед.

– Дедушка! Ну давай им поможем, – взмолилась девушка, – ну сделай что-нибудь.

– Сейчас поможем.

– Эй! Детвора! Если из вас кто-нибудь доживет до завтра, не разбегайтесь! Мы вас подберем на обратном пути! – крикнул Дед.

– В ответ раздался дружный смех. Девятый «Б» шел дальше. Долговязый громко зачитывал отдельные фразы из буклета и все дружно взрывались веселым смехом.

– И это ты помог? – на Деда надвигалась разъяренная фурия – У тебя же полно белого жемчуга, жмот несчастный. Ну давай им поможем, Дедуля!

– А почему этим? – зло начал отвечать дед.

– А почему не сотням малюток из яслей соседнего города. Каждый день в улей миллионы детей попадает. У муравьев нет столько жемчуга. А потом, как ты их спасти от зараженных будешь? Кормить? В стабы развозить? Голову включи Меда!

Дед подошел и обнял девушку за плечи, а она, уткнувшись ему в плечо, горько начала рыдать. Все-то она понимала. Дед прав. Всем не можешь, но в груди было больно и горестно.

Когда слезы закончились, двинулись дальше, но уже молча. Вскоре лесная дорога перешла в тропинку, которая становилась все незаметней. Дальше пришлось двигаться пешим порядком, ведя в руках свои велосипеды. Наконец-таки вышли на открытое место, и Дед сказал:

– Приехали.

Учения

Я глянул на спидометр велосипеда, почти сорок два километра, марафонская дистанция. Глянул на часы, за четыре часа десять минут. Марафонцы в два раза быстрее бегают.

Муравейник уже три месяца вел на этом стабе земляные работы, расширял подземные помещения. Активно производил здесь новые боевые касты и выращивал на листе деревьев своих коров – тлей. В этом диком месте я и запланировал провести смотр боевых возможностей своей армии.

На стабе было все. Труднопроходимые колючие кустарники, овраги и ручьи, рощицы деревьев, крутые холмы и поляны разных размеров, покрытые густым разнотравьем. В воздухе стоял звон кузнечиков и цикад.

Мы прошли около километра и остановились на краю большой поляны около ствола поваленного дерева. Я прислонил велосипед к стволу сам на него сел и спросил Меду:

– Тебе здесь нравится?

Меда вместо ответа вдруг взвизгнула, выхватила пистолет и начала целиться в центр поляны.

– Стой! Стой! Не стреляй! Забыл предупредить. Это наши мишени.

– Какие ещё мишени! Это здоровенные твари! А почему они стоят на месте?

Я посмотрел в ту сторону куда целилась Меда и увидел в позе ласточки одного кусача и пятерых топтунов. Они стояли на одной ноге, вторая была отставлена назад и висела в воздухе в балетном движении. Иногда падали и поднимались, а передними лапами тянулись к нам и злобно урчали.

– Они стоят на месте, потому что одна нога у них привязана веревкой.

И я протянул Меде Бинобль. Она ухватила его, и уже спокойнее села на ствол и стала крутить резкость на окулярах.

– Дед! Это разве веревки? Это ниточки какие-то, а не веревки. Я их еле вижу в бинобль. Почему они не рвутся?

– А потому что это веревки из углеродных нанотрубок сплетены. Самые крепкие веревки на свете.

– А как они, с другой стороны, крепятся?

– Не волнуйся, они, с другой стороны, под землей к здоровенным камням привязаны. Не вывернуть, да и тянуть сильно эти веревки они не могут, ногу разрезать можно. Больно им. И еще они расставлены так, чтобы до своих друзей нельзя было дотянуться. А то бы питаться друг другом начали.

– А кто их расставил? – продолжала пытаться меня Меда.

– Неужели твои букашки? Как этих здоровенных монстров можно было притащить сюда, расставить и привязать за ножку? Или их уговорили, и они это сделали сами? Пришли и подняли ногу, нате мурашки, привязывайте.

– Совершенно, верно, сами – я начал ржать.

– Дед, ты что издеваешься?

– Ну Меда. Включи мозги. Представь, что на тебя во все щели залезли злющие муравьи и если ты идешь не туда или делаешь что-то не то, то тебя жалят со страшной силой. А если идешь в нужную сторону, то хвалят и не жалят. Что ты будешь делать? Пойдешь как миленькая туда куда нужно муравьям, станешь куда нужно, ножку поднимешь и еще реверанс сделаешь. Старый метод кнута и пряника еще никого не подводил.

– Какой же ты садист все-таки!

Я, не обращая внимания на последний комментарий, предложил ей садиться поудобней, взять коктейль с трубочкой и наслаждаться представлением. Сам полез в свой рюкзак, достал

из него небольшой квадрокоптер, планшет и джойстик. Запустил машинку в воздух и стал крутить джойстик.

– Сейчас мы будем смотреть наши противовоздушные силы.

Поднял квадрокоптер на приличную высоту и стал выделять с ним резкие воздушные трюки: кидал резко в разные стороны, менял высоту и резко разворачивался. Вдруг как по команде, все стрекозы, которые мирно парили в небе до этого, ринулись на летательный аппарат, а из кустов и деревьев на него ринулись шмели и осы.

Несмотря на большое количество противников, мне удавалось несколько минут ловко уходить от столкновений. Но вскоре какое-то насекомое залепило объектив камеры квадрокоптера, то ли своим телом то ли мутной жидкостью, и на экране планшета уже нельзя было ничего рассмотреть. Это меня особенно не смутило и я, задрав голову, продолжил дергать джойстик. Вскоре одно из насекомых, жертвуя жизнью, заклинило один из винтов аппарата и машинка, накручивая спираль, полетела вниз. В разные стороны разлетелись куски пластмассы и тела насекомых.

– Да. Над тактикой воздушного боя еще придется поработать. А теперь переходим к наземной части. Будем испытывать действие парализующих средств. Смотри внимательно.

Из ближайшего куста в сторону зараженных стремительно вылетели три точки. Три топтуна замерли, повалились на землю и остались неподвижно лежать в самых нелепых позах.

– Они что, умерли?

– Нет, парализованы. Так засекаем время, – и я нажал кнопку на секундомере наручных часов.

– Этот парализующий яд мы будем использовать для тех случаев, когда врага нужно оставить в живых. Для допроса, например. Или нужно на всякий случай кого-то обездвижить, вдруг это и не враги вовсе. Ага, зашевелились. Пять минут примерно. Если учесть разницу между человеком и топтуном, масса, невосприимчивость, тип нервной системы, то путем приблизительных вычислений получается, что на человека это средство будет двадцать – тридцать минут действовать. Я сначала на себе хотел это испытать, да боязно как-то.

– Дед, а можно как-то без издевательств над живыми это делать?

– Ты что предлагаешь пеньки жалить? Смотри, оклемались уже!

Ожившие топтуны опять приняли позу ласточки и тянулись к нам своими лапами.

– А сейчас мы будем испытывать действие кислоты на последнюю линию обороны внешних.

Я залез в свой безразмерный рюкзак и вытащил остатки от изуродованного скафандра внешних. Расстелил дырявый костюм на траве и водрузил рядом треснутый шлем с дыркой от пули.

– Помнишь фильм «Чужие»? Там кровь чудовищ могла все что угодно прожигать. Вот и у нас такая кровь появилась.

Я опять уселся на бревно и дал мысленную отмашку. Ото всюду к скафандру начали слетаться громко жужжащие шмели и жидко испражняться на него. Отбомбившись, насекомые отлетали, уступая место следующим. Жидкость их испражнений вспенилась – пошла реакция. Вскоре на костюме и шлеме начали появляться новые дырки и через некоторое время от сверхпрочного материала почти ничего не осталось.

– Нормально вроде получилось. А сейчас демонстрируется оружие под названием «Последний укол».

Шмелей уже не было, а из куста опять вылетело несколько стремительных точек и все пять топтунов упали замертво.

– Раньше, чтобы убить развитого зараженного, муравьям приходилось жалить их в спортивный мешок. А сейчас мы видим результат испытания усиленного яда. Достаточно пробить кожу в любом месте и все.

– И наконец мы переходим к заключительной фазе нашего шоу – объявил я с интонацией заправского шоумена – и пошел собирать свои разбросанные вещи в рюкзак.

Со всего поля к кусачу потянулись многочисленные шмели. Они испражнялись на кусача липкой и густой жидкостью и отлетали в сторону. Вскоре зараженный был покрыт слоем похожего на мед сиропа и перестал обращать на людей внимание. Шмели улетели восвояси. А кусач тер свои глазницы лапами, видимо пытаясь прочистить, чтобы видеть, но у него ничего не получалось. Животное с жалобными нотками продолжало урчать.

– Это что, кислота? – Спросила Меда.

– Нет. Это называется «Греческий Огонь». Теперь смотри внимательно.

Из куста вылетела почти незаметная точка, метнулась к зараженному и ничего не произошло а я начал громко считать:

–Раз, два, три, четыре.

Вдруг на голове кусача ярко вспыхнуло пламя и через секунду он уже весь ярко пылал, разбрасывая яркие брызги огня. Упал начал кататься по траве, оставляя на ней маленькие костры. Подскочил и понесся в мою сторону с жутким воем.

Никакая веревка уже его не держала. Видимо сгорела, пронеслось в голове. Я уже не успевал увернуться, но краем глаза заметил, как вскочила на ноги Меда и сделала движение руками, словно хотела оттолкнуть этот живой костер от меня. Кусача словно ударили гигантской кувалдой, и он полетел назад горящей тряпкой. Упал и догорал уже не шевелясь.

– Что это было? – ошарашено спросил я у Меды.

– Да мое новое умение от стресса проснулось.

– Ты что, не знала, что у тебя умение кинетика?

– Знахари не могут свои умения выявлять, только у пациентов. Я к Маше постеснялась обратиться, но теперь и без нее знаю. Ты мне лучше скажи, где эта сверхпрочная нитка? Порвалась?

– Нет. Сгорела. Это моя промашка, забыл, что углерод хорошо горит.

– Ты мог погибнуть.

– Думаю, что нет. Обгорел бы немного, но муравьи бы меня за пару дней заштопали. Кусач же не жрать меня бежал, он просто случайно на меня чуть не налетел. Спасибо, что заступилась. Давай собираться, отъедем немного и будем отдыхать. Завтра рано назад двинемся.

– Дедуля, а давай сегодня.

– Нет, сегодня уже не успеем. Видишь, солнце садится. А ночью гулять в Стиксе не рекомендуется.

Мы проехали на велосипедах еще с пол километра и очутились на берегу чудесного маленького озера. Нет, это скорее пруд. Он весь порос цветущими кувшинками или лилиями. Я в них не разбираюсь. Плавала пара диких уток с утятами, но при виде людей быстро скрылись в прибрежном тростнике.

Мы расположились на небольшом песчаном пляже. Я расстелил плащ-палатку и пока Меда накрывала на ней ужин, развернул небольшую двухместную палатку.

Поели, полезли купаться голышом, кого стеснятся. Брызгались и визжали, как дети. Потом занимались любовью, опять купались и уже при свете звезд сидели у костра и пили чай.

– Дед, как же здесь хорошо! Может переберемся, сделаем домик и будем растить под охраной муравейника своего малыша?

– Я тоже об этом думал, но не получится. Чем мы своего малыша кормить будем? Ты готова на грядках огурцы выращивать с тяпкой в руках, да и мне как-то в свинарнике навоз убирать не хочется. Продовольствие сложно доставлять сюда.

– Я выбрал этот большой стаб для муравьев, потому что он был никому не нужен. Люди здесь не хотят селиться, потому что рядом только пара совсем небольших деревень. Мародерить после перезагрузок почти нечего. И дорог к этому стабу нет, только труднопроходимые тро-

пинки. Прокладывать дороги бесполезно, после перезагрузок они все равно исчезнут. В общем идеальное место для муравьев, но не очень для нас.

– С внешниками разобраться сначала нужно. Они муравьев все равно найдут, а я их не брошу. Ладно хватит о грустном, ты мне скажи, как тебе учения показались?

– Не понравилось мне. Слишком жестоко. А никак нельзя убивать, не мучая животных?

– Меда, ну ты пойми, намечается война с очень высокотехнологичной цивилизацией. У внешников способов убивать все живое выше крыши. Муравьи, конечно, тоже развитый народ, но делать пушки они не умеют. Вот и приходится испытывать методы, которые ближе биологической цивилизации. А как испытывать такие вещи без живых жертв? Ты ведь в мединституте училась. Тебе что не приходилось лягушек разделывать?

– Приходилось, но я старалась такие занятия прогуливать.

Спасательная операция

Меда просыпалась мучительно. Ее настойчиво трясли за плечо. Продрала глаза, темно, ничего невидно. С трудом вспомнила, где она. В палатке.

– Меда вставай, нам срочно нужно бежать.

Остатки сна мгновенно испарились.

– От кого бежать? Что случилось, Дед?

– Детей спасти надо.

– Каких детей? Ты о чем?

– Ты помнишь вчерашний девятый «Б»? Там двое иммунных оказалось. Нужно срочно их спасти.

Дед уже все почти собрал, только палатку осталось скатать. Бежали, ехали цепляясь за колючие кусты, опять бежали. Меда совсем потеряла ориентировку. Старалась спину Деда не потерять и уворачиваться от веток. И уже когда выбрались на более ровную тропу, стало рассветать и ехать стало легче.

Добрались до бронетранспортера, по которому стреляли вчера, Дед бросил свой велосипед и побежал в лес. Меда за ним. Вскоре послышалось негромкое урчание, и Дед резко остановился. Меда чуть не врезалась ему в спину.

Впереди, под раскидистым деревом стояло десять подростков и смотрели вверх. Рубашки в пятнах крови, лица тоже чем-то черным измазаны. Они как по команде развернулись к новой пище и поплелись, оскаливаясь и громко урча. Меда схватилась за кобуру, Дед остановил ее жестом. Сверху упало несколько черных точек и новоявленные пустыши упали замертво.

– А что раньше нельзя было это сделать? – возмущенно спросила Меда?

– Здесь не было боевых особей. Они только что прилетели. Ночью им тоже трудно ориентироваться, – оправдался Дед.

Стали приглядываться к ветвям дерева. На большой ветке сидел вчерашний долговязый остряк.

– Спускайся давай! – крикнул Дед.

– Тут еще Ленка сидит. Она ранена. Ей зомби ногу чуть не отгрызли. Чуть живая.

– Все равно слезай, я сейчас ее сам спущу.

Парень шустро слез с дерева, а на его место взобрался Дед. Он с трудом разглядел в густоте листвы что-то плотное и осторожно стал подниматься еще выше. Девочка оказалась совсем небольшая и легкая. Дед прижал ее одной рукой к груди и на оставшихся трех конечностях стал осторожно пятиться назад. У Меды внутри все захолонуло от страха, что тонкая ветка обломится или Дед оступится, но он добрался до нижней толстой ветки, перехватил ребенка за ладони и опустил ее ногами вниз в руки Меды и парня. Затем сам ловко прыгнул.

Дед взял Лену на руки и пошел в сторону дороги, остальные за ним. Парень судорожно схватился за руку Меды и с ужасом таращился на своих бывших одноклассников, трупы которых мы обошли по небольшой дуге. Девочка тихо плакала.

Когда вышли к велосипедам, Меда из рюкзака вытащила аптечку и все, что может пригодиться для оказания медицинской помощи. Первый осмотр показал, что дети сильно искусаны, в синяках и ссадинах. Особенно сильно пострадала девочка. У нее почти был вырван и, видимо съеден, здоровый кусок икроножной мышцы. Было видно, что она потеряла очень много крови и ее сознание находится на грани.

Пока я бинтовала, зашивала раны, мазала йодом, Дед чуть ли не силой напоил их живчиком и принялся что-то делать с велосипедами. Парень пытался, о чем-то спрашивать, но Меда его остановила.

– Вот закончим, тогда и поговорим.

Более-менее закончила бинтовать. Дети после живчика слегка порозовели. У Лены судорожное дыхание выровнялось. Мы начали кормить парочку, хотя еды осталось совсем немного. Нужно срочно двигаться в Крепостной.

– Где остальные? Вас вчера было больше, – Меда задала вопрос парню.

– Вместо мальчишки на этот вопрос ответил Дед.

– Там, – он махнул в сторону леса – еще восемь зараженных и пять трупов. Иммунных больше нет.

И тут мальчишку словно прорвало. Он сбивчиво, размахивая руками и подсакивая, принялся рассказывать. Они разбили лагерь на берегу ручья. Поставили палатки, развели костер, дурачились и играли. Вечером пекли в костре картошку и пели песни, а потом начались проблемы. Возникли ссоры. Некоторые почувствовали себя плохо. Хотели вызвать скорую помощь, но связи не было.

И вдруг по очереди начали сходить с ума. Кидались кусаться и даже есть друг друга. Превратились в зомби. Ленке вон ногу чуть не отъели. Парень отбил от нескольких человек и даже Ленку отбил и они начали убегать. Часть компании рванула за ними. Хорошо, что преследователи все время в кустах запутывались. Иначе бы не убежали. Ленка идти не могла, пришлось на себе тащить. Он понял, что долго бежать у него не хватит сил, нашел то дерево и затащил девочку на него.

Лену он повыше затолкал, а сам веткой отбивался от своих одноклассников, если те пытались забраться следом. Но зомби оказались такими сильными, что вырвали ветку из рук. И тех, кто продолжал пытаться залезть, парень бил ногой по рукам и голове. А потом мы пришли.

Дед сидел, слушал и с уважением смотрел на парнишку. Иногда вставлял «молодец», «правильно». Человек, который спасал не только свою шкуру, но и беззащитную девочку, достоин уважения, подумала Меда.

Парень, которого звали Димка, начал опять задавать вопросы:

– Мы тоже превратимся в зомби? Нас же покусали, и тоже умрем?

– Почему телефоны вдруг не работают?

– А как домой попасть?

Меда остановила этот поток и объявила:

– Срочно двигаем в больницу, все вопросы по дороге. Дед, как мы все это потащим?

Дед подвел Меду к велосипедам. Пока она возилась с ранеными, он из нескольких толстых сучьев, веревок и велосипедов сварганил конструкцию, похожую на первые автомобили конца девятнадцатого века. Между рамами велосипедов была натянута плащ-палатка и в нее мы положили девочку, как в гамак. Ехать на таком автомобиле не было возможности, но вести, толкая руками, можно было вполне и одному человеку. Туда же мы затолкали наши увесистые рюкзаки.

Шли медленно, часто делая привалы. Меда без умолку рассказывала подросткам об Улье и отвечала на их вопросы. Рассказы Меды не вызывали у детей положительных эмоций, они боялись. Более-менее оживились, когда Меда начала рассказывать о необычных умениях. Димка не верил, а Меда в доказательство движением руки срубила небольшую осину на обочине дороги.

Идея стать сверхлюдьми детям понравилась, особенно Димке. Меда видела, как у него загорелись глаза. На одном из привалов Меда окрестила подростков, рассказывая об обычаях Стикса. Они сами придумали себе имена, а Меда торжественно объявила, что она их крестит.

Дима стал Логаном, а Лена – Ларой.

– Ну вот, на пару героев киностудии Марвел в Стиксе стало больше, – объявил Дед.

К воротам стаба добрались уже к вечеру. Меда наорала на Михалыча и ментата, которым вздумалось допрашивать раненых подростков. Отобрала у безопасника ключи от служебного узика и повезла детей в свою больницу.

Дед разобрал конструкцию из велосипедов и повел их к своему дому.

Нежданный гость

Уже было темно на улице, но я сидел на веранде возле остывшего чайника и переживал разговор с Медой. Мы впервые по-настоящему поссорились. В конце перепалки она даже заявила, чтобы я сегодня спал на своем диване и что она меня больше видеть не может. Я сидел и решал – мне сейчас пойти к ней подлизываться или на утро перенести? Я уже готов был сдаться и согласиться на ее требования.

После возвращения с учений, я Меду видел редко. Она рьяно лечила и опекала своих крестников. Первые два дня даже домой не приходила, дежурила в больнице. Раны у новичков по меркам Улья были пустяковые, но Меда есть Меда.

Затем она их устраивала в стабе. Бесплатное общежитие для новичков ей не нравилось. Антисанитария, тараканы и плохая компания из алкоголиков. Она ходила ругаться с Мэром, а потом поселила Логана в своей бывшей квартирке, благо ее никто не занял, а Лару подселила к Маше.

Возле детей крутились какие-то подозрительные личности. Логан сам тянулся потереться возле вечно бухих рейдеров, послушать про их героические подвиги. А недавно к Ларе пробовал приблизиться Хряк со своей ручной шалавой. Пытались, наверное, ее в бордель завербовать, но Меда их так нагнала, что не скоро еще сунутся.

Сегодня она пришла с работы и заявила, что хочет поселить детей в нашем доме. Я ей пытался возражать, что нельзя так рьяно опекать новичков. Им нужно самим научиться выживать в Стиксе. И еще – они по меркам Улья уже не дети, Логан на пол головы выше меня. Предлагал ей устроить Лару уборщицей в больнице и что готов ей платить зарплату из своего кармана – споран в день. Сам недавно у Хряка за пол спорана работал. А Логана к Беркуту пристроить. Там нормальные ребята, не обидят. И еще говорил, что после принятия красного жемчуга, что она из меня выбила, у подростков, возможно, появятся полезные умения и они будут нарасхват.

На что девушка отвечала, что и без советов сопливых Лару в больницу на работу приняла, а Логана на убой Беркуту не отдаст, у него каждый месяц пол состава отряда гибнет. Назвала меня жмотом, эгоистом и ушла, всхлипывая спать.

Раздался звонок. Я недавно нанял спеца, который оборудовал мой дом электронными замками и системой видео наблюдения. Звонили в дверь у ворот с улицы. В мониторе была видна одинокая фигура с капюшоном на голове. Дал команду приготовиться маленьким охранникам и нажал на кнопку открытия замка. Во двор зашел человек снял капюшон и громко спросил:

– Здравствуйте. Разрешите войти?

Голос я узнал. Этот человек недавно уже был в этом дворе.

– Проходите, садитесь, – указал на пустой стул.

– Я вас слушаю.

Человек представился – меня зовут Майор, я пришел передать важную информацию, касающуюся вашей безопасности.

Протянутую мною руку пожала сильная ладонь.

– Рассказывайте, что вы в своем Институте придумали.

– Я не от Института, а как частное лицо. Из Института я уволился.

– Вот как! Ну все равно рассказывайте, что вы хотели сообщить.

Это был тот самый военный, который в прошлую встречу делал зону тишины и rozpo- знал, что стрекоза – это не иллюзия. И вот, что он мне поведал:

После нашей последней встречи, срочно вернулись в Институт. Вуду был сильно напуган и всю дорогу нервничал. В Институте начались и продолжались каждый день ученные

советы. Мнения ученых разделились, и они никак не могли договориться между собой. Большая часть, а это были в основном молодые рядовые сотрудники, стояла за мирное сотрудничество, но старая верхушка ветеранов Улья хотела продолжить силовой вариант. Доходило даже до мордобоя, так страсти раскалились.

Его на эти совещания не приглашали – простой наемник, не ученный, но сплетни доходили. В конце концов победило меньшинство, и они решили захватить Меня Деда в плен. Несколько ученых в знак протеста подали в отставку.

В Институте практически произошел переворот. Раньше высшим органом власти был совет и по всем основным вопросам решение принимало большинство этого совета, но теперь совет был объявлен совещательным органом, а решения будет принимать президиум совета во главе с директором.

Для осуществления операции захвата решили привлечь внешников с их техническими приборамбасами. А возглавить операцию должен был он – Майор. Майор со своим несогласием промолчал, да и кто будет его согласия спрашивать. Приказали: «Вперед, выполнять, наемник!»

Служить рядом с внешниками, это был слишком большой перебор для его принципов, и он ночью потихоньку ушел. И вот сейчас сидит передо мной.

– Вы, наверное, с дороги, голодный. Сейчас я вас угощу чаем.

Я пошел на кухню за кипятком и чаем. Принес нарезанной колбасы и хлеба. Майор благодарно на меня взглянул и стал это с аппетитом наворачивать. А я молча наблюдал за ним. На провокатора не похож, производит впечатление честного человека. Ясные глаза, мужественное лицо, чувствуется, что повидал немало. Чуйка молчит. Когда он доел я предложил:

– Майор! Я вам верю. Предлагаю перейти на ты и расскажи пожалуйста о себе. Что ты хочешь в этой ситуации для себя?

Оказывается, он был до мозга костей военным спецназовцем. Суворовское, а затем высшее военное образование. Воевал в Чечне, Сирии, Ливии, в Центральной Африке и еще кое-где. Занимался специальными операциями – ликвидации, захват в плен, подрывы, диверсии и все такое прочее. Попав в Улей, занимался тем же самым, больше ничего не умел. Нанимался в разные крупные стабы и участвовал в местных междоусобных войнах. После приобретения приличного опыта и нескольких умений его заметили в Институте и пригласили на работу.

В Институте он занимался тем же самым. Платили хорошо. Окружение приятное – интеллигенты, ученые. Сначала очень даже нравилось, а потом он узнал про контакты с внешниками. Ему часто поручали обеспечивать безопасность караванов с секретным грузом к внешникам и обратно. В институт приезжали люди в скафандрах и противогазах.

У майора были свои счеты к внешникам. Он потерял несколько друзей из-за них, и его подруга попала на разделочный стол к мурам. Майор начал планировать свой уход из Института. Спусковым крючком послужила встреча со мной, куда его взяли в качестве ментата. Муравьи ничего плохого для него или его близких не сделали, и он решил поменять сторону.

Для себя за этот поступок он ничего не просит, но, если нужен его профессионализм, готов служить и воевать. Может быть охранной у меня, раз его прежние работодатели готовятся к захвату.

– Майор. А какие у тебя умения, если не секрет?

– Клокстопер, снайпер, сенс, ментат и еще кое-что по мелочи. Я уже почти тридцать лет в Стиксе.

– Прилично! Знаешь мне сейчас охрана не нужна. Уже есть. А вот в ближайшем будущем ты мне можешь очень даже пригодиться. Найди Беркута. Скажи, что от меня. Я думаю, в его отряде тебе самое место. Возможно, скоро начнется заварушка с внешниками, вот тогда ты и все беркутовцы мне очень понадобятся.

Ударили по рукам, Майор ушел, а я стоял и смотрел ему в след. Да сильный и опасный для врагов профессионал. С его умениями и особенно клокстоперством, он бы за пол секунды мог бы разнести все вокруг, мои осы даже почесаться бы не успели.

Теперь придется готовиться воевать на два фронта. Институт добавился во враги.

Вдруг почувствовал, что меня со спины обнимают.

– Я все слышала.

– Вот видишь Меда, брать детей к нам в дом слишком опасно.

День Стикса

Наступил День Стикса. Меда объяснила, что это аналог земного Нового Года. С вечера все начинают напиваться, а в полночь стреляют из всех стволов и творят всякие безобразия. Она этот день очень не любит, приходится всяких пьяных придурков всю ночь заштопывать, а потом лечить. На территории Крепостного запрещено применять стрелковое оружие, а в эту ночь все можно.

Меда ушла на работу, а я решил подготовиться к празднику. Сходил в хороший магазинчик, набрал всяких свежих деликатесов и добыл бутылочку редкого сухого вина. А потом до самого вечера занимался работой.

Моя работа заключалась в том, что я просматривал в голове картинки, которые присылал мне муравейник из центрального муравьиного стаба и отсылал команды, что делать муравьям. Система обмена информацией между мной и центральным мозгом муравейника была, мягко говоря, очень несовершенной.

Напрямую я мог обмениваться мыслеобразами только тогда, когда находился на территории муравьиного стаба. В любом другом случае нужно было, чтобы возле меня или на меня села стрекоза. Я в ее голову закачивал небольшую последовательность мыслеобразов, больше не помещалось, и она улетала в сторону центрального муравейника. Ответ или передачу другой информации получал таким же образом. Получается, что говорил я с муравейником короткими фразами, применяя челночные рейсы летающих насекомых. Точно так же осуществлялась связь с удаленными филиалами муравейника на других стабах.

Скорость полета стрекозы при минимальном потреблении ею энергии около 55-60 километров в час. Стрекозы могли разогнаться и до 90 километров в час, но это на короткие дистанции, и быстро выдыхались. Быстрее всего в моем войске летали маленькие осы. Они могли достигать скорости африканских оводов до 150 километров в час, но тоже на короткие дистанции. Как ни крути, на посылку запроса и получение ответа уходило около двадцати минут. Вот такой он муравьиный интернет. Я давно пытался придумать что-то кардинально новое в области связи, но пока не получалось.

А занимался я изучением снимков летающих разведчиков, которые они приносили с вражеских территорий. К вражеским территориям добавился и стаб Института. Планировал места расположения баз, предназначенных для накопления боевых сил на подступах и территории врагов. Работы хватало.

Меда вернулась поздно вечером. Мы совместно накрыли стол на веранде. Икра красная, икра черная, мои любимые креветки, несколько видов итальянских сыров, которые обожают Меда и бутылка элитного вина в центре композиции. Красиво жить не запретишь, если ты богат, как я. Меда очень расстраивалась, что не смогла пригласить своих крестников. Они смотрелись на какую-то молодежную тусовку, там им интереснее, а Маша дежурила в больнице.

Под дикие крики с улицы и треск петард поужинали и когда уже собирались ложиться спать раздался телефонный звонок. Меда коротко поговорила по телефону и повернулась ко мне.

– Ну вот, все как я и предполагала. Несколько пьяных рейдеров понаделали дырок в людях. Сейчас за мной заедет машина и я поеду штопать.

Через несколько минут за воротами зашумел двигатель и Меда упорхнула на улицу. Я проконтролировал через монитор видео наблюдения, как она усаживается в автомобиль и слегка удивился. Обычно за ней присылали дежурный уазик, а это был хаммер охраны, переделанный по моде Стикса. Наверное, уаз занят другими делами. И пошел укладываться в постель.

Проснулся от резкого звонка телефона. Ждал, когда Меда возьмет трубку этого противного устройства. Но Меда трубку не брала и пришлось открывать глаза. Жены рядом не было. Мне по этому телефону еще не звонили ни разу.

Взял трубку. На другом конце мужской голос представился офицером безопасности стаба и попросил пригласить Медуницу.

– Подождите минутку, сейчас позову.

Я пошел по дому искать Меду. Заглянул во все углы и нигде не нашел. Просмотрел память системы видео наблюдения и понял, что после вчерашнего ухода, она в дом не возвращалась. Что-то заскребло на душе, неприятное чувство тревоги.

– Офицер, Меда после того, как ваши отвезли ее на работу, еще не возвращалась. Позвоните в Больницу. Она там.

– Мы туда звонили и даже заезжали. Она из больницы ушла вчера вечером и больше не возвращалась. Подождите минутку.

Послышался звук, который выдает что трубку заткнули ладонью.

– А кто из наших ее забирал?

– Кто не знаю, но подъезжал ваш хаммер.

– Как хаммер? – опять безопасник затыкает трубку и с кем-то советуется.

– Если она появится, передайте пожалуйста, что у нас в штабе очень тяжелораненый и требуется ее помощь.

То, что случилась беда, меня уже убеждать не надо было. Я мгновенно оделся, вскочил на велосипед и понесся в штаб охраны правопорядка. Дежурный на входе молча пропустил меня, и я влетел в кабинет Михалыча.

В помещении было несколько человек в военной форме. Михалыча не было. На столе лежал окровавленный человек и возле него сустились Маша и Лара. Они что-то ему кололи, пытались сделать искусственное дыхание, но судя по их выражению на лицах, ничего не получалось.

Ко мне подошел один военный и, поняв кто я, сказал:

– Убито двое, – потом посмотрел на стол с раненым – нет, трое человек. Угнали хаммер и исчезли трое наших офицеров. Михалыч и двое его замов. И возможно ваша жена.

Я спросил:

– С Михалычем исчезли два амбала и один из них кваз?

Офицер подтвердил кивком.

– Вы что-нибудь об этом знаете?

– Нет, догадался.

В этот момент из коридора послышался громкий голос, в кабинет вошел Мэр в сопровождении свиты, и офицер рванулся к нему докладывать о случившемся. Я подошел к девочкам, и Маша навзрыд начала мне жаловаться.

– Дед, как жаль, что вы не нашли Меду. Она бы запросто справилась, а я такая слабая знахарь. У меня ничего не получилась!

Я как мог успокоил девушку и собирался уже уходить, как ко мне направился Мэр и начал вещать громким голосом, чтобы все услышали.

– Товарищ Дед, неизвестные убили защитников нашего стаба и похитили четверых человек, в том числе вашу жену. Я приложу все усилия, чтобы найти и покарать преступников. Я сам возглавлю...

Я не стал дослушивать эту чушь, нет времени на это, развернулся и рванул обратно к дому. Нужно было действовать. Как я ошибался. Я думал, что институтские будут охотиться на меня, и сидел под защитой. А они наняли Михалыча, и он выкрал Меду. Теперь начнется шантаж. Какой я тупой недоумок. Нужно было Меду охранять, а не свою тушку.

Из дома целой стаей отправил стрекоз. Я натолкал в них кучу информации. Изображение хаммера, портреты Михалыча и его шестерок. Дал команду всем разведчикам и боевым муравьям искать по направлению к Институту этот джип. И любой ценой остановить.

Написал объявление и понес его в ресторан, где раньше работал. В объявлении было сказано, что готов заплатить пять черных жемчужин за любую информацию о нахождении Меды. Еще по всем каналам сообщил, что срочно ищу Беркута. Пусть выйдет на связь.

Больше я не знал, что можно еще предпринять. Остается только ждать.

Пришли крестники Меды. Они пытались предложить мне помощь, а какую сами не знали. Я по-быстрому накормил их вчерашними деликатесами и вытолкал из дома. В другой обстановке я бы, конечно, был бы рад подросткам, но сейчас не до них.

Потом в дверь начали звонить бомжеватого вида посетители, сообщая через домофон, что у них есть очень важные сведения. Я таким предлагал посетить ментата, и, если он подтвердит, что их сведения правда, возвращаться сюда за наградой. Больше я их не видел.

К вечеру начали поступать данные от разведчиков, но ничего обнадеживающего не было. Если этот хаммер ехал на большой скорости без остановок, то его могли и не догнать мои стрекозы. Неужели улизнули.

Как я не отчаивался, но был уверен, что Меда жива и в ближайшие дни начнется торг. И тогда у меня появится шанс ее спасти.

На следующее утро у меня за столом сидел весь комсостав беркутовцев и среди них Майор. Я взял слово:

– Мужики, я в ближайшие дни собираюсь начать войну.

– И с кем же ты собираешься воевать? – спросил Беркут.

– С мурами, внешниками и Институтом.

– А не много ли врагов сразу? И Институт тут причем? – почесал бороду Беркут.

– По поводу Института, тебе Майор все подробно расскажет. У него это лучше получится. А почему на три фронта? Так не получится по отдельности, муры и внешники, ты сам прекрасно знаешь, одна шайка. А Институт оказывается, тоже в союз с внешниками вступил. Как только начнется война с кем-либо из них, другие подключаться.

– Дед, мы понимаем, что после похищения Меды, ты весь на нервах. И похоже в авантюру хочешь нас затащить. Наш отряд – это, по сути, партизаны. Мы можем поезд под откос пустить, пару караванов раздолбать и ограбить, но вести полномасштабную войну против танков, авиации и артиллерии, да еще с их оружием из будущего. А людей со стволами у них на два порядка больше, чем у нас. Дед, это безумие.

Скрывать от этих бойцов муравейник уже не было смысла и нужно было выкладывать все карты на стол, но на длинные истории у меня не было времени. Меня ждал для обработки огромный массив информации, поступивший от муравейника, и я постарался доклад о муравьях спихнуть на Майора.

– Ребята, я, конечно, подавлен похищением жены, но не сошел с ума, как вы думаете. Войну с вашими и моими врагами буду вести не я и не вы. В Стиксе уже около ста миллионов лет живут существа, которых Институт и внешники попытались уничтожить. Кто это такие или вернее, кто это такой, у меня нет времени рассказывать. Одно могу сказать, что это не люди, и питаются они в основном элитой. Еще они любят скребберов убивать, но не едят. Так вот на танки и пулеметы в первых рядах пойдут они, а вы можете сами решать присоединитесь вы к этой компании или нет. Если присоединитесь, то эти ваши потенциальные союзники обещают, что все трофеи, добытые у врагов, будут ваши. Им танки и пушки ни к чему, они человеческим оружием не пользуются. На вопрос, который у вас я смотрю вертится на языке, а я здесь причем и почему говорю от их имени, отвечаю: Я посредник. Могу с ними общаться, дар у меня такой, и поэтому сейчас вещаю от их имени. Подробности, кто они, вы узнаете от Майора, он давно

этой темой занимается, а мне, извините, сейчас некогда. Подготовкой занимаюсь. Идите к себе на базу, обсудите и до вечера жду ответа. Надеюсь, он будет положительным.

Выпроводил галдящих вояк за ворота я занялся изучением донесений. По-прежнему ничего существенного не поступало. Через несколько часов пришел гонец от Беркута и сообщил, что они со мной и готовятся. Только проблема есть одна – людей много, а транспорта не хватает. Я попросил передать Беркуту, что транспортную проблему постараюсь решить.

Ночью опять не спал, бегал как загнанный зверь по комнатам. Бесило безделье и бессилие. Хотелось бежать и драться с врагами, а Михалыча резать на мелкие кусочки. Утром, когда начало наконец-таки клонить ко сну, раздался звонок телефона. Звонили из мэрии и просили срочно зайти к главе стаба.

Я влетел в кабинет градоначальника и не обращая внимания на Мэра и его замов схватил со стола записку на клочке бумаги и флэшку. На бумаге было всего четыре буквы «Деду». Я развернул ноутбук Мэра экраном к себе и вставил флэшку. Мэр принялся объяснять.

– Час назад как к мэрии подкинули...

– Вы смотрели?

Мэр закивал головой. Я нашел в памяти устройства единственный видео файл и запустил его. В полутемной комнате на полу лежала связанная веревками Меда. Во рту торчал кляп, она мычала и с ненавистью смотрела на снимающего. Камера развернулась и на экране появился нагло улыбающийся Михалыч.

– Слушай сюда, Дед! Мы твою сучку пока не трогаем, а то боимся, что, если ее пощупаем немного, ты ее забрать не захочешь. Но если ты до завтрашнего вечера сюда не привезешь свою заначку, то весь стаб Таганка ее по очереди поимеет. А после того, как поимеем, мы ее вымоем как следует и пустим на ливер. Тебе понятно? Да, Дед, я знаю, что у тебя недалеко от Крепостного запрятано изрядное количество бусинок. Так ты не забудь их с собой прихватить, особенно беленькие. И если белок своих не принесешь, тоже на ливер поедешь. А принесешь, спокойно заберешь медичку и свалишь куда захочешь. Мы люди слова. До встречи, гавнюк.

Я задумался – так вот кто все это организовал. Институт оказывается ни причём. Михалыч пронюхал, что у меня белый жемчуг есть, и показал свое муровское нутро.

– Товарищ, Дед, – начал Мэр – может вы нам объясните, что происходит? Почему глава безопасности...

– Может вы мне, товарищ Мэр, объясните почему безопасностью стаба Крепостной руководят муры? Или вы не в курсе. А может вы с Михалычем вместе это дело проворачиваете?

– Да как вы смеете меня обвинять, да я...

– Мне некогда с тобой паблисити разводить – прервал я градоначальника – Мне нужно дела делать, а не трепаться с тобой. Ты помнишь, как стронги хотели купить два БТР, которые вы сами выставили на продажу?

И получив утвердительный кивок продолжил.

– Вы готовы их были продать кому угодно, только не стронгам. Почему такая избирательность? Или вы муров больше, чем стронгов любите?

– Да как вы смеете...

– Смею! – перебил я Мэра – еще как смею! Вот тебе бумажка.

Я сунул листок бумаги на стол перед Мэром.

– Пиши распоряжение в гараж, чтобы те два БТР были заправлены под самую крышу топливом и боекомплект и стояли у ворот стаба до 17-00.

Выхватил, торопливо написанную испуганным главой бумагу и кинул две черные жемчужины ему на стол.

– Думаю, что этого хватит.

Мэр торопливо сгрёб жемчуг в карман.

Похищение

Меда села в большой джип и даже не обратила внимание, есть ли кто еще на заднем сидении, а зря. Когда увидела, что автомобиль не повернул к больнице, а поехал прямо, повернулась к водителю, чтобы спросить, куда они едут, почувствовала боль под лопаткой на спине от укола и отключилась.

Пробуждение было тяжелым. Ощутила тряску и гул двигателя. Голова гудит, руки и ноги связаны и ничего не видно. Кажется, на голове мешок, а во рту тряпка, выплюнуть не получается. Попробовала освободиться, но тщетно. Хорошо зафиксировали гады.

– Михалыч, она, кажется, проснулась, шевелится.

Машина остановилась, хлопнула дверца и в плечо опять впиалась игла шприца.

– Не дергайся, красотка, поспи еще немножко, – сквозь надвигающееся оцепенение послышался голос Михалыча.

Следующее пробуждение было уже в совсем другом месте. Меде показалось, что она лежит в своей больнице. Заболела, наверное. Только зачем Маша так сильно обработала хлоркой помещение, воняет невыносимо.

Однако Маши рядом не было, а были две фигуры. Мужчины, и разговаривают между собой. Ощущения очень странные. Мысли в голове еле ворочаются. Апатия в крайней степени. Не хочется ничего. Лень двигать любой частью тела, даже зрачками глаз. Не хочется даже вникать, о чем эти люди говорят. Но волей-неволей в мозг стал проникать смысл разговора. Один из собеседников – Михалыч, а другой незнакомый мужчина в белом халате и с идеальным пробором на голове.

– Доктор Менгеле. как вы думаете, она нас слышит? Понимает, о чем мы говорим?

– Не уверен, что понимает, но слышит определенно.

– А зачем вы вводите своих пациентов в состояние овоща?

– Я бы лучше это состояние назвал вегетативным. В нашем отделении, как вы знаете, содержатся люди не один год прожившие в Улье. И, как вы знаете, такие особи могут представлять определенную опасность. Они обладают часто очень опасными метафизическими способностями. А мы подавляем в них желание эти способности применять.

– Это у вас такая способность подавлять чужие способности?

– Ну что вы, голубчик, нет у меня такой способности. Да и зачем она нужна. Есть очень хорошие препараты, применяемые в психиатрии галоперидол к примеру или аминазин. А недавно наши шефы внешники подкинули очень эффективный препарат и без побочных последствий. Вот я его и испытываю.

– Это что, внешники такое изобретают?

– Внешники – это люди военные и не знаю, что они там изобретают, но им этот препарат Институт подкинул. Еще антидот есть в комплекте. Если нужно больного срочно в чувство привести, колем антидот и через пять минут он, как огурчик. Очень удобно.

Меда краем глаза видела, как человек в халате возится на медицинском столике и гремит пробирками. Михалыч разговаривая с ним регулярно на нее косится. Но Меде было абсолютно все равно о чем они там говорят, что делают лишь бы ее поменьше тревожили.

– Доктор, а правда говорят, что вы и есть тот доктор Менгеле, который с Гитлером евреев в печках сжигал в Бухенвальде?

– Конечно же вранье! Да моя фамилия была Менгеле и звали меня Йозеф, но работал я в концлагере Освенцим и никаких евреев не сжигал. Я занимался научной работой и проводил медицинские опыты.

– А как же вас не расстреляли?

– Ну, это длинная история. Я знал, чем та война закончится, вернее предполагал. Заранее в тайне изучал русский язык, подготовил необходимые документы и когда ваши коллеги пришли смешался с пленными и меня отправили в Советский Союз. Там устроился в глубинке учителем немецкого языка и дожил до пенсии. И, уже будучи в преклонном возрасте, провалился в этот странный мир. Кстати, приходилось иногда читать в газетах, что меня обнаруживали то в Бразилии, то в Аргентине.

– Интересная у вас жизнь, доктор. Вы же по умению знахарь, а можете мне сказать, что за умения у этой пациентки? Через день, два ее придется приводить в чувство вашим антидотом, чтобы показать одному клиенту, а вдруг это опасно?

– К сожалению под действием препарата не смогу. Он так подавляет способности, что их никакому знахарю не определить. Можно вызвать охрану и под оружейным контролем я введу ей антидот...

– Нет, нет, не надо доктор. Пусть лучше отдыхает. Скоро ей придется очень потрудиться на удовлетворение культурных потребностей нашего стаба.

Это были последние слова, что Меда услышала. В руку впился шприц, и она опять отключилась.

Военные действия

Я подъехал на своем велосипеде к базе стронгов. Стронги снимали в Крепостном большой и приземистый дом, похожий на казарму. Собственно казармой он и был. На проходной натолкнулся на Логана.

– А ты что здесь делаешь?

– Я, дядя Дед, сегодня в отряд поступил. Вот дневальным поставили, – волнуясь отрапортовал подросток.

– Вот Меда тебя взгреет, когда вернется.

Беркут сразу же отправил трех водителей в стабовский гараж с запиской Мэра. Пусть проследят и помогут, если что не так. Мы с ним обсудили маршрут, хотя он был недоволен временем начала нашей экспедиции.

– Дед, ты разве не в курсе, что по ночам в Улье никто не ездит. А если нарвемся на крупных тварей? А вдруг муры засаду организовали.

– Не переживай, по маршруту ничего крупного нет, и муров не наблюдается. Будем гнать при свете фар не останавливаясь. Проскочим, я гарантирую.

На что Беркут с сомнением на меня поглядел, и мы продолжили планировать. Обсудили порядок машин в колонне, и я настоял, чтобы туда включили стронговский уазик. Беркут удивился моему капризу, но спорить не стал.

– Дед, а как муравьи туда доберутся? Или мы их в карманах повезем?

– Не волнуйся, дружище, они уже там. Я давно готовился к этой операции.

Когда закончили с планированием, Беркут достал из холодильника две банки пива, одну бросил мне и задал вопрос.

– Вот ты скажи мне, раз у тебя с муравьями все так продумано, то зачем вам мы, стронги? Мне кажется, вы и без нас прекрасно управитесь.

– Верно, управимся. Но есть в этом деле и политика. После взятия нами Таганки начнется большая война, которая затронет многие стабы нашего региона. Этим стабам придется выбирать с кем им быть, на чьей стороне. В стороне ведь не получится отсидеться. Объединяться с непонятными насекомыми побоятся. А если узнают, что в этой коалиции успешно беркутовцы воюют и их никто не обижает, то это совсем другое дело.

Выехали мы в 17.15. Я сидел пассажиром в переднем автомобиле. Джип в стиле Ближнего Востока и Стикса. За рулем Майор, а в кузове крутит крупнокалиберный пулемет Стрелок. За нами два БРДМ, четыре БТР, один ГАЗ-66 и один УАЗ. Замыкает колонну такой же шахид-мобиль, что и у нас. Едем под 60 км/час, это очень приличная скорость для колонны, тем более в Стиксе. Я скосил глаза на Майора. Ведет уверенно, будто всю жизнь шоферил.

Майор хорошо влился в коллектив стронгов. С его приходом, дела у них наладились. Было два удачных нападения на колонны муров, и что самое ценное, обошлось без потерь. Теперь он уверенно занимал место правой руки Беркута, и никто из беркутовцев не возражал против этого.

Дорога была хорошая, в основном асфальт и только редкие участки были хорошо накатанной грунтовки. Иногда из кустов выскакивали, ошалевшие от радостной встречи с вкусной пищей бегуны, но легко расстреливались коротким очередями. Под звук мощного мотора, я впервые за двое суток уснул и прекрасно проспал почти до самого рассвета.

Разбудил меня голос Беркута из рации.

– Дед, по моей карте впереди через три километра блок-пост муров. Что делать будем?

– Предлагаю сделать остановку. У меня мочевого пузыря скоро лопнет.

Мы остановились. Автомобили стали в отработанный для отражения внезапного нападения порядке. Из транспорта по очереди появлялись бойцы и под прикрытием ошестинившегося

оружием охранения принялись орошать придорожные кусты. Я сделал то же самое. Посмотрел вверх.

Высоко в утреннем ясном небе не спеша барражировали крупные стрекозы. Мои стрекозы. Одна из них спикировала прямо на мою голову. Посидела немного, пошевелила прозрачными крыльями и взлетев, устремилась по направлению нашего движения. Подошел Беркут.

– Ну, что делать будем?

– Едем. Следующая остановка у блок поста – и глядя на вопросительное выражение командира добавил – Не волнуйся, там все чисто.

Подъехали к солидно укрепленному бетонными плитами сооружению. Дорога была перегорожена шлагбаумом и возле него лежали два тела. Я вышел из машины и спокойно пошел к зданию. Внутри в разных позах лежали еще четыре мура. За мной в блок-пост с оружием наперевес вошли несколько стронгов со Стрелком во главе.

– Стрелок, это не трупы. Они парализованы. Выбери из них главного, на твой взгляд, а остальных в расход.

Беркутовцы деловито вскрыли горло пятерым мурам. Оставшегося в живых зафиксировали пластиковыми хомутами и усадили на стул. И начали перетаскивать оружие с боеприпасами в шишигу¹. Особенно радовались солидному крупнокалиберному пулемету. Муровскую рацию я попросил пока не трогать.

Наконец-таки мур начал подавать признаки жизни. Дико вращая глазами, уставился на трупы своих товарищей и нечленораздельно захрипел.

– Пощадите мужики, я все сделаю...

– Да сделаешь, если не хочешь сдохнуть, как они.

И я начал втолковывать муру, что он сделает. Даже конспект написал и заставил выучить. Затем разрезал путы на его руках и показал на рацию. – Давай, действуй.

Мур нажал на кнопки и схватил микрофон.

– База, база, я пост номер шесть, прием.

– Слушаю тебя шестой, я база.

– База, мы задержали уаз с человеком. Он называет себя Дед. Говорит, что едет к Михалычу. Что с ним делать?

– Подожди. Я Михалыча позову.

Через небольшую паузу рация заговорила голосом Михалыча.

– Я Михалыч. Боец, этот Дед один?

– Один.

– Вы его обыскивали?

– Нет, а что надо?

– Ни в коем случае. Отберите оружие и пусть едет в стаб, я его жду с нетерпением.

– Понял...

Я прервал диалог, отключив рацию. Стрелку приказал отнести рацию Беркуту, пригодится. Выходя из помещения блок-поста услышал позади предсмертные хрипы последнего мура.

На коротком совещании с командирами стронгов показал на карте овраг, где они могут спрятать технику, и высоту на окраине расчищенной от растительности зоны вокруг муровского стаба.

– Сами никуда не суйтесь. Лежите и наблюдайте. Следите за пулеметчиками на вышках и вообще за всеми живыми, кого заметите. Когда эти живые вдруг исчезнут или свалятся, как те на блок-посту, садитесь на тачки и езжайте к воротам. А дальше по обстоятельствам.

¹ Шишига – автомобильный жаргон Грузовик ГАЗ-66

Двигаетесь строго по дороге. Тут все заминировано. У меня карта проходов есть, но она ни к чему. А я поеду в гости к Михалычу.

– Дед, а это обязательно надо, чтобы ты совался туда один? – спросил Беркут.

– Чтобы ликвидировать муров это совсем не обязательно, но мне надо спасти Меду, если она еще жива.

Я сел в уазик и поехал в сторону Таганки. Колона проехала несколько километров за мной и свернула в сторону на малозаметную лесную дорогу.

Вскоре впереди показалось свободное от растительности пространство, граница стаба. На границе меня опять встречал блок-пост с живыми мурами. Они шустро открыли шлагбаум, освобождая проезд, и с любопытством провожали взглядом. Видимо этих уже предупредили чтобы не задерживали. Михалыч опасался за сохранность своего будущего жемчуга.

Вскоре на открытом пространстве показались стены крепости Таганка. Да, посolidней будет чем Крепостной. Бетонную стену приличной высоты венчали многочисленные пулеметные вышки. При приближении можно было рассмотреть амбразуры с торчащими в мою сторону стволами. Я знал, что за стенами на всех направлениях стоят танки и артиллерия. Такой стаб даже очень многочисленная армия будет не одну неделю штурмовать. Да и не факт, что сломить такой форт у этой армии получится.

В логове

Я подъехал к воротам, створы которых начали разъезжаться в обе стороны и оттуда выскочили вооруженные люди. Часть из них держала меня под прицелом, а остальные грубо вытащили из автомобиля. Бегло оглядев в поисках оружия, повели меня вглубь стаба.

Я шел в окружении направленных в меня стволов, с руками застегнутыми наручниками за спиной, и с любопытством осматривал окрестности. Вскоре меня подвели к внутренней крепости.

Таганка, в сущности, была обычным стабом, со своими магазинами и борделями. Как же без них. Но делилась на две части. Внутри был как бы город в городе, тоже окруженный стеной, со своими вышками и пулеметными гнездами. Во внешнем кольце жили люди, которые обеспечивали жизнь Стаба товарами, пищей и энергией, а муры базировались во внутренней крепости, где кроме казарм и штаба располагались тюрьмы и разделочное производство. Производство органов для перепродажи внешникам.

Я прекрасно знал все закоулки этого стаба, потому что во всех щелях и укрытиях притаились маленькие боевые осы, ожидающие часа икс. По стенам пробегали быстрые и незаметные зеленные насекомые с большими фасеточными глазами, а в воздухе не спеша барражировали обычные для Улья стрекозы.

В подвале штаба находилась очень охраняемая тюрьма для особо опасных пленников. А опасные они были для муров, потому что сидели там ветераны улья. Эти рейдеры обладали серьезными умениями и их органы особенно ценились внешниками. Местный знахарь по имени Менгеле, умел как-то подавлять у пленников способность к применению боевых умений и заведовал этой тюрьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.